

Academic Publishing House *Researcher*

РУССКАЯ СТАРИНА

Russkaya Starina

Журнал издается с 1870 года

№ 2 (8)

2013

Русская старина. 2013. № 2 (8)

Издается 2 раза в год.

Редакционная коллегия:

Д.и.н., профессор А.А. Черкасов (глав. ред.) (Российская Федерация),

К.и.н., доцент В.Г. Иванцов (Российская Федерация),

Д.и.н. Е.Ф. Кринко (Российская Федерация),

Д.и.н., профессор В.И. Меньковский (Беларусь),

К.и.н., доцент С.И. Дегтярев (Украина)

К.п.н., доцент А.М. Мамадалиев (Российская Федерация),

К.и.н., доцент О.В. Натолочная (Российская Федерация)

Редактор, корректор

Н.Ш. Сайфутдинова

Редактор-переводчик А. В. Рожкова

Технический редактор, электронная поддержка Н. А. Шевченко

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6

Сайт журнала: <http://ejournal15.com/en/index.html>

E-mail: evr2010@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный издатель-
ский дом "Исследователь"» - Academic Publishing
House Researcher

Подписано в печать 25.09.13.

Формат 21 × 29,7/4.

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Гарнитура Franklin Gothic Medium.

Усл. Изд. Л. 3,1. Усл. Печ. 3,7.

Circulation 500 copies. Order № 8.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и сообщения

Сергей Иванович Дегтярев Надзор за деятельностью бюрократического аппарата Российской империи в первой половине XIX в.: на примере украинских губерний	52
Евгений Федорович Кринко Борьба с бандитизмом в Краснодарском крае в 1943 г.	61
Дмитрий Валерьевич Кудинов Политические организации и крестьянское движение в Украине в начале XX в.: постсоветская украинская историография	67
Юрий Михайлович Смирнов Город Муром и его кремль	80
Татьяна Павловна Хлынина Великая Отечественная война и новая историческая память: «понимающее забвение», «проработка прошлого» и креативное мифотворчество	97

Статьи и сообщения

Надзор за деятельностью бюрократического аппарата Российской империи в первой половине XIX в.: на примере украинских губерний

Сергей Иванович Дегтярев

Сумский государственный университет, Украина

Аннотация. В статье на примерах украинских губерний рассмотрены способы наблюдения за деятельностью той части бюрократического аппарата Российской империи, которая функционировала на местном (губернском, уездном) уровне в первой половине XIX в. Отдельное внимание обращено на особенности сенаторских ревизий; проверки, совершаемые губернаторами и чиновниками для особых поручений. Сделаны выводы, как подобный надзор влиял на эффективность действующей тогда бюрократической системы.

Ключевые слова: бюрократия, чиновник для особых поручений, Российская империя, сенаторская ревизия, надзор

Для бюрократической системы Российской империи конца XVIII – первой половины XIX вв. были характерными такие негативные явления, как служебные нарушения, которые совершались чиновниками в силу их некомпетентности; сознательные злоупотребления, совершаемые государственными служащими (взяточничество, вымогательство, незаконное использование служебного положения и т.п.). Особенно много подобных явлений было по судебному и правоохранительному ведомствам. В остальных сферах государственного управления эти нарушения также были достаточно распространенными, хотя и не совершались с таким размахом, как в судебной и полицейской. Сенатор А.Пещуров в своем рапорте указывал, что если бы все полицейские нарушения и беззакония рассматривались строго, то очень немногим чиновникам этого ведомства удалось бы избежать наказания. Но он же сам соглашался с тем фактом, что существующих служащих полиции заменить более надежными лицами "при теперешних способах" невозможно [1].

Контролировать деятельность бюрократического аппарата на местах правительству Российской империи было особенно тяжело. Местный прокурорский надзор не мог быть эффективным, поскольку и прокуроры, и стряпчие подчинялись губернскому руководству, а не непосредственно высшим правительственным учреждениям в столицах. Для этих чиновников устанавливалось значительное количество ограничений еще законодательством Екатерины II. В частности чинам прокурорского надзора запрещалось присутствовать и принимать участие в решении судебных дел;

они не могли быть посредниками или представлять частные интересы в делах, связанных со служебной деятельностью или с государственными интересами; несли ответственность за неподтвержденный или неправдивый донос и т.д. [2].

Для надзора за качеством функционирования бюрократии в регионах проводились ревизии. Их можно разделить на "внутренние" и "внешние". Последние еще назывались "надведомственными", что подчеркивало отсутствие их связи с ведомством МВД. Внешние ревизии назначались особыми "Высочайшими распоряжениями" и проводились, как правило, сенаторами [3]. Правительство поручало сенаторам проводить ревизии разных губерний. Сенаторские проверки начали проводиться с конца XVIII в. и, в первую очередь, их целью был надзор за подчиненными Сенату учреждениями. Но уже с начала XIX в. они служили больше интересам Комитета министров и особенно императора. Деятельность ревизий направлялась на выявление недостатков в местном управлении и содержали данные о фактически всех государственных учреждениях губерний или уездов. В начале существования таких ревизий Сенат мог непосредственно влиять на чиновников-нарушителей, иногда даже лишая их чинов. Но 18 марта 1799 г. Павел I приказал Сенату не лишать чиновников, которые совершили преступления, чинов без императорского разрешения [4].

В исследуемый нами период в украинских губерниях было проведено несколько ревизий: Слободско-Украинской губернии сенатором В.Брозиным (16 декабря 1826 г. – 25 февраля 1828 г.), Херсонской сенатором Е. фон Брадке (19 мая 1851 г. – 10 июня 1852 г.) и другие.

Так, в 1815 г. в Волынской губернии не только выходцы из непривилегированных сословий, но и дворяне страдали от беззаконий, совершаемых чиновниками местных учреждений. Население жаловалось на злоупотребления, которые происходили во время рекрутских наборов, при поставках фуража и провианта для армии, на отбирание лошадей и крупного рогатого скота у обывателей и т.д. Все налоги и военные повинности взимались в значительно завышенных размерах. Сенатор граф Стройновский и 17 дворян Владимирского уезда этой губернии жаловались, что кроме налогов и других выплат от них требовали взятки. Сам император называл эту губернию «примерной по злу, в ней гнездившемуся». В том же 1815 г. граф Стройновский подал жалобу на эти злоупотребления правительству. Документ заверили своими подписями еще 154 помещика Волынской губернии. Именно после этой жалобы с целью проведения проверок сюда в 1816 г. и был командирован тайный советник Сиверс [5].

Во время подобных ревизий, как правило, массовых «чисток» в рядах чиновников не происходило. Причин этому может быть несколько. Во-первых, служащие (от чиновников низших рангов и канцеляристов до руководителей учреждений) к моменту начала ревизий успевали скрыть значительную часть нарушений и злоупотреблений. Во-вторых, сами проверяющие как представители высшей власти не были заинтересованы в

широкой огласке массовых злоупотреблений внутри государственного управленческого механизма и дискредитации «чиновничьего мундира».

В николаевскую эпоху во время проведения сенаторских проверок по отношению к чиновникам, которые совершили несущественные служебные нарушения, предлагалось применять больше исправительных мер, а за серьезные нарушения "без видимых однако следов злоупотреблений", не отдавая под суд, увольнять с должностей. Это отличалось от практики времен Александра I, когда увольнение и отдача чиновников под суд рассматривались как основной инструмент и результат ревизии [6].

В 1851-1852 гг. проводилась ревизия Херсонской губернии. Поводом для этой проверки стали жалобы новороссийского и бессарабского генерал-губернатора князя Воронцова на служебные злоупотребления и упущения херсонского гражданского губернатора генерал-майора К.Оленича-Гнененко. Ревизировал губернию сенатор Е.Ф. фон Брадке. Его канцелярия была укомплектована шестью чиновниками Сената и одним от Министерства внутренних дел. Они провели осмотр всех отраслей жизни и управления Херсонщины. В частности были проведены расследования по многочисленным жалобам на действия местных чиновников и учреждений. При этом было относительно немного жалоб на чиновников финансовых учреждений, а на служащих образовательных заведений вообще не жаловались. Основная масса нареканий была в адрес чиновников судебного и полицейского ведомств – их обвиняли во взяточничестве, нанесении обид, избиениях, разворовывании денег, наветах и т.д. Чрезвычайно много жалоб было на медленное рассмотрение дел в судебных и полицейских органах. Еще до окончания этой ревизии К.Оленич-Гнененко был снят с должности губернатора за неудовлетворительное управление губернией и отдан под суд. Некоторые чиновники губернских и уездных учреждений также были отстранены от исполнения их обязанностей [7].

Таким образом, во время сенаторских проверок должностные преступления обнаруживались довольно редко. Когда преследовалось взяточничество, то наказание могло выпасть разве что на долю мелкого чиновничества, "а сильные в большинстве случаев от него уклонялись" [8]. Высшие чиновники вообще редко сурово наказывались за должностные злоупотребления. Например, волынский губернатор И.Каменский жестоко избил своего вице-губернатора, за что был "наказан" переводением на должность костромского губернатора [9]. Преступления низших должностных лиц в большинстве случаев также оставались безнаказанными.

В целом инспекции Сената в течение XIX в. были одним из основных методов контроля над провинциальной администрацией. Важным мероприятием касательно контроля деятельности государственных учреждений и их чиновников в провинции была также упоминаемая выше внутренняя или ведомственная ревизия. Она в порядке подчиненности производилась высшими учреждениями, чаще всего это были так называемые губернаторские проверки. Время от времени они проводились в каждой губернии.

Примером одной из таких ревизий может быть проверка, которая проводилась с 25 августа до 10 октября 1859 г. губернатором Черниговской губернии [10]. Объектом проверки стали уездные суды, дворянские опеки, городские ратуши и магистраты, сиротские городские суды, городские думы, полиции, квартирные комиссии, земские суды (в составе последних отдельно проверялись подчиненные им становые приставы), посадские учреждения и отдельные чиновники. Большое внимание было уделено состоянию дел в вышеуказанных учреждениях и качеству исполнения служебных обязанностей чиновниками, которые там работали.

Результаты проверки были изложены в так называемых “замечаниях” начальника губернии [11]. Этот документ дает возможность в определенной степени сформировать мнение об уровне профессионализма чиновников провинциальных государственных учреждений предреформенных лет, их добросовестности (или, наоборот, халатности) во время исполнения своих функций.

В целом губернатором во время этой ревизии было сделано много замечаний касательно работы указанных учреждений во всех уездах Черниговщины. Лишь относительно небольшое количество чиновников заслужили “искреннюю благодарность”. Остальные за не должным образом исполняемые обязанности получили “замечания”, “выговоры”, “строгие выговоры” или рекомендацию “немедленно исправить” состояние дел. Результаты проверки были разосланы во все учреждения ревизированных уездов “с тем, чтобы означенные в сих замечаниях беспорядки были исправлены немедленно, и чтобы на будущее время подобных беспорядков не допускали” [12]. Показательно, что при этом практически не было уделено внимания жалобам от населения на служебные злоупотребления чиновников.

В годы правления Николая I значение сенаторских проверок местных учреждений той или иной губернии значительно снизилось. Надзор за местной властью стали исполнять жандармские офицеры, которые подчинялись III Отделению Личной Его Величества Канцелярии [13]. С одной стороны сенаторский надзор был непостоянным, но носил открытый, гласный характер. Жандармский же надзор был постоянным (а поэтому более эффективным), но он совершался негласно. К сожалению, правосудие реагировало на результаты жандармских проверок довольно избирательно. Чиновник, подозреваемый в политической неблагонадежности, нес наказание, но служащий, замеченный в злоупотреблениях, часто его избегал (особенно если этот чиновник занимал высокую должность). Так, штаб-офицер корпуса жандармов в Полтавской губернии, начиная с 1 января 1847 г. и до 1 июля 1848 г., каждые полгода докладывал о взяточничестве председателя палаты гражданского суда Терещенко. Но это не имело никаких последствий для нарушителя [14].

За исполнением служебных обязанностей выборными чиновниками в уездных учреждениях следили также предводители дворянства, губернское правление и дворянское собрание [15]. В случае выявления нарушений по

отношению к служащим, которые их совершили, указанные органы могли применить наказания от выговоров и замечаний до увольнения с должности. Например, в начале XIX в. в Полтавской губернии произошел случай, когда заседатель нижнего земского суда не выполнил одно из служебных поручений. Губернское правление и дворянское депутатское собрание объявили чиновнику выговор с предупреждением, если он "окажется впредь в подобном деянии, тогда дворянство в необходимости себя поставит признать его недостойным общего уважения и доверия". То есть чиновник рисковал лишиться выборной должности, для которой уже даже был определен кандидат [16].

В первой половине XIX в. за эффективностью государственных учреждений и поведением их служащих в провинции стали наблюдать также чиновники для особых поручений (должность учреждена в 1826 г.). Делали они это по требованию губернатора, а результаты наблюдений излагали в рапортах-отчетах. В 1839 г. деятельность полицейских учреждений и их служащих в Киевской, Волынской и Подольской губерниях проверял ротмистр Стогов. Его характеристики чиновников были четкими и лаконичными, часто содержали наблюдения за личными качествами человека. Во время проверок внимание Стогова обратили на себя 17 полицейских чиновников, о которых он и составил соответствующие характеристики. Приведем некоторые из них. Так, полицмейстер г.Кременец подполковник Волянский был охарактеризован как способный и профессиональный чиновник, осторожный, но склонный к подозрениям, вспыльчивый и не всегда доступный для простых жителей. Частный пристав этого же города Павлович был дерзким и гордым, любил взятки и вызывал к себе ненависть со стороны местного населения. Секретарь уездного суда Ковальский также характеризовался как взяточник и мастер запутывать дела так, чтобы получить от этого личную выгоду. Исправник Добровольский был активным и добросовестным чиновником, но свысока вел себя с помещиками и подчиненными. Старший заседатель земского суда Дембицкий, по словам Стогова, «не дальнего ума», но добросовестный, бескорыстный. О секретаре этого же суда Чеховском указывалось, что он способный, хорошо ориентируется в делах, но желает иметь отовсюду пользу для себя. Имеет большую семью. Таким образом, не взирая на четкость характеристик, по последней оценке Стогова видим, что и для него характерны «двойные стандарты» - корыстолюбие секретаря суда для него оправдывается его способностями и наличием большой семьи. О ряде чиновников Стогов оставил вполне позитивные отзывы. Негативно характеризовались становые приставы Кременецкого уезда Волынский («неисполнителен и мало заботится о своих обязанностях») и Владимирского – Шишацкий и Гнедышевский («оба вялы и неисполнительны по своим обязанностям») [17].

Наблюдения чиновников для особых поручений играли важную роль в процессе надзора за состоянием бюрократического аппарата и в целом по империи, и в отдельных ее регионах. Это значительно облегчало работу

губернского начальства по контролю нижестоящих учреждений, позволяло выявлять негативные явления, которые имели место в чиновничьей среде, и влиять на них. Тем более, что такие проверки чиновниками для особых поручений совершались довольно часто. Иногда они даже имели комплексный характер.

На рубеже 1847-1848 гг. Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор с целью изучения состояния подчиненных ему губерний командировал туда сразу нескольких чиновников для особых поручений. Одним из заданий, которые ставились перед ними, было убедиться в достойном поведении местных чиновников, как они исполняют свои обязанности и пользуются ли уважением среди населения [18]. В результате этой проверки было выявлено большое количество нарушений, совершенных чиновниками. Например, майор Юзефович негативно охарактеризовал становых приставов Каневского уезда Фатимского и Гриневича. Он указывал, что они «соперничают друг с другом в лихоимстве» [19].

Чиновник для особых поручений коллежский советник Львов обнаружил, что в Летичевском уездном суде Подольской губернии вместо судьи управляет заседатель Зварский, который был чиновником способным, но не совсем беспристрастным и бескорыстным. Здесь можно увидеть пример предвзятого отношения к чиновнику-нарушителю со стороны представителя власти. О Литинском уездном судье (этой же губернии) Павловском тот же Львов вообще отзывался, что тот «не их дельцов, но не забывает о себе, ..., что будто бы он, когда к нему обращались с просьбою по делу, то прежде всего предлагает просителю вопрос: а печики будут? (печами называют в здешнем крае полуимпериалы)». Да и в целом о чиновниках Литинского уезда Львов указывал, что их поведение как у местных помещиков, так и у всех жителей вызывает сильные возмущения и нарекания, везде на них жаловались, приводилось много примеров взяточничества и вымогательства денег (даже приводились размеры взяток – 300 руб., 1000 руб. и т.д.) [20].

По каждому вопросу, изучаемому чиновниками для особых поручений, делались соответствующие заметки в специальных путевых журналах. Затем все эти записи обобщались. Но обобщенные выводы, как правило, содержали намного меньше данных о чиновниках, которые недобросовестно исполняли свои обязанности или совершали служебные нарушения, чем их было в путевых журналах. Таким образом, сами же представители власти часто не расценивали действия чиновников-нарушителей как опасные для государства и общественного спокойствия (или сознательно скрывали их). Ситуации, когда против таких служащих начинались служебные расследования, инициированные чиновниками для особых поручений или их руководством, были явлением достаточно редким. Фактически само же государство «закрывало глаза» на негативные явления, которые имели место в бюрократической среде.

Таким образом, можно выделить несколько видов государственного надзора за эффективностью функционирования бюрократического аппарата Российской империи в исследуемый период: внешние (сенаторские ревизии) и внутренние (проверки, совершаемые губернаторами, служащими корпуса жандармов, чиновниками для особых поручений).

Материалы сенаторских ревизий наиболее полно отображали негативные явления в чиновнической среде сравнительно с губернаторскими, поскольку проверки, как правило, были с самого начала направлены на выявление недостатков в управлении. Поводом к их началу часто становились выдвинутые подозрения или прямые обвинения в нарушениях, которые совершались в тех или иных регионах. К тому же сенаторы не были связаны с руководством губерний, которые проверялись, или другими местными чиновниками семейными или служебными отношениями, а поэтому их оценка состояния в губернских или уездных учреждениях была более объективной. В то же время губернаторы были тесно связаны со всеми органами власти и управления во вверенных им губерниях; часто имели там большую собственность; все чиновники зависели от их воли. В связи с этим губернаторы всегда пытались «заметить» поменьше нарушений (особенно грубых) в «своих» учреждениях, поскольку это были фактически и их нарушения (как руководителей). Также часто губернаторы и ближайшие к ним лица сами стимулировали своих подчиненных к различным злоупотреблениям (лихоимству, взяточничеству, вымогательству и т.д.), потому что имели от этого личную выгоду, как правило, материальную.

Жандармский надзор имел узкую направленность и был ориентирован на выяснение так называемой политической благонадежности государственных служащих, а поэтому на общую эффективность бюрократического аппарата никак не влиял. Предводители дворянства, губернские правления и дворянские собрания проверяли деятельность только выборных чиновников, что положительно влияло на работу этих служащих. Наблюдения чиновников для особых поручений за поведением служащих уездных, городских государственных учреждений, за качеством исполнения ими служебных функций существенно помогали губернским властям контролировать местную бюрократию.

Но при всем разнообразии проверок уровень эффективности бюрократического аппарата не всегда отвечал тем требованиям, которые выдвигались перед ним со стороны правительства и диктовались условиями времени. В процессе надзора (независимо от его уровня) выявлялось огромное количество недостатков, характерных для чиновнической среды исследуемого периода: халатность, нарушения субординации, непрофессионализм, взяточничество и др. При этом очень редко правительство и местные власти адекватно влияли на эти явления – борьба с ними никогда не была достаточно жесткой и часто имела формальный и декларативный характер.

Примечания:

1. Тот Ю.В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02. СПб., 2003. С.82.
2. Клоков С.Н. Генезис и эволюция российской гражданской служилой бюрократии в XVIII столетии (Историко-правовой аспект): дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2006. С.196.
3. Бикташева А.Н. Надзор за губернаторами в России в первой половине XIX в. / Вопросы истории. №9. 2007. С.100.
4. Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб.: Типография А.М.Котомина, 1876. С.571-572.
5. Парусов А.И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия / Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. Вып.72. 1964. С.198, 201-202.
6. Бикташева А.Н. Надзор за губернаторами в России в первой половине XIX в. / Вопросы истории. №9. 2007. С.101.
7. Российский государственный исторический архив (г.Санкт-Петербург), ф.1385, оп.1, д.1. О назначении сенатора тайн.сов. Е.Ф. фон Брадке на ревизию Херсонской губ. и обо всех распоряжениях по ревизии. 1851-1852 гг., 397 л.
8. Морякова О.В. Местное управление в России во второй четверти XIX в. (по материалам сенаторских ревизий) / Вестник Московского университета. Серия 8. История. №6. 1994. С.34.
9. Морякова О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы / Вестник Московского университета. Серия 8. История. №6. 1993. С.14.
10. Дегтярьов С.І. Губернаторська перевірка державних установ Чернігівської губернії 1859 р. та її результати / Сумська старовина. 2010. №XXX. С.152-164.
11. Государственный архив Сумской области (далее - ГАСО), ф.557, оп.1, д.1. Сведения о результатах ревизии уездных присутственных мест. 1859 г. Л.14-23.
12. ГАСО, ф.557, оп.1, д.1. Сведения о результатах ревизии уездных присутственных мест. 1859 г. Л.22зв-23.
13. Бикташева А.Н. Надзор за губернаторами в России в первой половине XIX в. / Вопросы истории. №9. 2007. С.101.
14. Зайончковский П.А. Губернская администрация накануне Крымской войны / Вопросы истории. №9. 1975. С.51.
15. Центральный государственный исторический архив Украины в г.Киев (далее - ЦГИАУК), ф.442, оп.1, д.1428. Дело о доставлении ведомостей о лицах, состоящих под надзором полиции за разные противозаконные поступки. 1833 г. Л.5.

16. Павловский И.Фр. К истории полтавского дворянства 1802-1902 г. Очерки по архивным данным. Выпуск первый. Полтава: Электрич. типо-литогр. Торгового Дома И.Фришберг и С.Зорохович, 1906. С.109.

17. ЦГИАУК, ф.442, оп.789а, д.177. О секретных поручениях, делаемым чиновником, командируемым по делам службы в разные места. 1839 г. Л.26-27.

18. ЦГИАУК, ф.442, оп.797, д.61. Дело о поручении чиновникам особых поручений отправляться в Киевскую, Подольскую и Волынскую губернии для разузнания по разным предметам. 1847-1848 гг. Л.4зв.

19. Там же. Л.68зв-69.

20. Там же. Л.204зв, 215-216.

Борьба с бандитизмом в Краснодарском крае в 1943 г.

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии, Россия

Аннотация. После освобождения большей части территории Краснодарского края от нацистской оккупации одной из важнейших задач органов государственной власти здесь стала борьба с бандитизмом. В статье рассматриваются причины подъема бандитизма на Кубани, а также формы, методы и результаты этой борьбы в 1943 г.

Ключевые слова: бандитизм, Великая Отечественная война, Краснодарский край, государственная безопасность.

Великой Отечественной войне посвящено значительное количество самых различных исследований, общее количество которых приближается к трем десяткам миллионов наименований. Особенно много работ прославляло мужество и патриотизм советских граждан на фронте и в тылу. Проявлений «высоких чувств» в военные годы действительно хватало, однако в экстремальных условиях люди вели себя по-разному, героизм и подвижничество соседствовали с массовыми нарушениями закона и преступностью, которым в отечественной историографии вплоть до настоящего времени практически не уделялось внимания. Малоизвестными по-прежнему остаются и вопросы борьбы с бандитизмом на Кубани во время войны.

Следует отметить, что обострение социально-политической ситуации в Краснодарском крае в годы Великой Отечественной войны было обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, на Кубани, как и по всей стране, немало жителей испытывало недовольство советским режимом вследствие коллективизации и раскулачивания, массовых репрессий, национальной и религиозной политики. Во-вторых, проявлению различных форм девиантного и делинквентного поведения в немалой степени способствовала общая тяжелая обстановка военного времени. В-третьих, сказывались действия германского руководства, стремившегося расколоть советское общество «изнутри» при помощи специальных агентов и диверсантов, а также средств пропаганды.

Особенно тяжелое положение сложилось после освобождения Краснодарского края советскими войсками от немецкой оккупации в 1943 г. На большей части Кубани советскую власть восстановили в феврале – марте, лишь Таманский полуостров был окончательно освобожден в начале октября 1943 г. Близость линии фронта, постоянные налеты авиации противника, тя-

желые материальные и социально-психологические последствия оккупации, значительное количество брошенного оружия также ухудшали обстановку.

В то же время правоохранительные органы Кубани были в определенной степени ослаблены в результате оккупации, немало сотрудников погибло в боях с противником, часть призвали в ряды действующей армии. Хотя сеть участков народных судов развернулась почти на 80 % уже к 20 апреля 1943 г., но в большинстве из них не хватало кодексов и других нормативно-правовых актов, специальной юридической литературы, отсутствовали транспорт, пишущие машинки, бумага, необходимый инвентарь. Только 75 % судей имели опыт судебной работы, а 42 % вообще не обладали никакой юридической подготовкой [1]. Все это создавало определенные предпосылки для различных злоупотреблений, массовых случаев несоблюдения закона самими сотрудниками правоохранительных органов, что также усиливало социальную напряженность.

В результате в 1943 г. на территории Краснодарского края широкий характер получил бандитизм, особенно на юге, в предгорной лесной полосе. Для ликвидации банд, патрулирования и охраны различных объектов широко использовались, наряду с органами милиции и государственной безопасности, истребительные батальоны. Впервые они создавались на Кубани в начальный период Великой Отечественной войны, но с оккупацией края противником летом 1942 г. в большинстве своем послужили основой для партизанских отрядов. К 1 мая 1943 г. в освобожденных от противника районах края было восстановлено 77 истребительных батальонов с общим количеством в 7220 бойцов. При этом 39 батальонов, в связи с военной обстановкой, перевели на казарменное положение. С февраля по апрель 1943 г. они ликвидировали 4 банды в Упорненском, Спокойненском, Мостовском и Тульском районах, проводили систематические облавы, конвоировали арестованных во всех районах края. Согласно информации краевого Управления НКВД крайкому ВКП(б) от 5 мая 1943 г., за этот период бойцы истребительных батальонов задержали 6701 чел., в том числе 63 бандитов, 1315 дезертиров и лиц, уклонявшихся от военной службы [2].

Однако ситуация продолжала обостряться, и в мае 1943 г. о разгуле банд, перешедших из Карачая, сообщали из Мостовского района. Ряд террористических актов совершили бандиты в Майкопском районе, колхозным активистам они присылали приказы и письма «с угрозами и предложениями убираться с хозяйства, не мешать им в проведении бандитских операций». Отдельные руководители колхозов по ночам были вынуждены «скрываться из домов в леса или по соседям». В Апшеронском районе бандиты систематически забирали скот, мед, хлеб, масло. Колхозники и рабочие лесокомбината отказывались от работы на полях и в лесу, заявляя: «Нам жизнь дороже». При этом бандиты распространяли слухи, что «колхозы распускаются, землю делят, и скоро придут англичане оккупировать Кавказ» [3].

В документах военного времени отмечалась опасная тенденция объединения мелких бандитских групп в крупные. Так, в Мостовском районе бандиты из станицы Губской, «до мая месяца державшиеся небольшими,

разрозненными группами, затем слились в одну банду», насчитывавшую до 40 чел. Действуя в конном строю, на украденных лошадях, они терроризировали ряд хуторов, нападали на них «с целью добычи продовольствия». В ходе специальной операции 3 бандитов убили, банда лишилась 30 лошадей и всего бивуачного инвентаря, а сама оказалась рассеяна на отдельные группы. Однако, по имевшимся оперативным сведениям, бандиты вновь стремились к объединению в одну группу [4].

Нарастанию бандитизма способствовали дезертирство и уклонение от воинской службы в рядах действующей армии. Только в апреле 1943 г. из числа призывников 1926 года рождения в крае дезертировало, даже не дойдя до частей, свыше 1000 чел., многие из которых, в результате ужесточения паспортного режима и систематических облав в населенных пунктах, укрывались в лесах [5].

Наиболее непростая ситуация складывалась в предгорных районах. Директор Кавказского государственного заповедника Н. Е. Лаврентьев докладывал, что в условиях немецкой оккупации часть жителей из окрестных станций оказалась на службе в полиции, другие ушли в лес и горы, организовав партизанские отряды. После отступления немцев они поменялись местами: часть полицейских ушла в леса и горы «и организовалась в бандитские шайки, а их односельчане – бывшие партизаны, в составе истребительных частей продолжали с ними вооруженную борьбу, причем иногда родные братья состояли во враждебных лагерях» [6].

8 июня 1943 г. руководители Тульского района докладывали в крайком ВКП(б) и крайисполком о скоплении «многочисленных бандитских групп», именовавших себя «казацкими партизанскими отрядами» из числа бывших полицейских, дезертиров Красной Армии и «предателей Родины». Бандиты убивали и терроризировали руководящих работников, партийных и советских активистов, грабили государственное и колхозное имущество, срывали работу колхозов и других организаций. В адрес работавших колхозников звучали угрозы, а на полях колхоза им. Шаумяна даже появились специальные плакаты: «Кто выйдет в поле – будет расстрелян». В результате колхозники шли на работу только под нажимом, стремясь поозже прийти и пораньше уйти домой.

В течение нескольких месяцев после освобождения территории Тульского района бандиты угнали до 100 голов крупного рогатого скота, до 200 овец, 60 свиней, увезли свыше 40 ульев пчел, принадлежавших колхозам, а также семьям бывших партизан, активистов и бойцов истребительного батальона. На фермах периодически забирали вечерние и утренние удои молока. В колхозе им. Берия было похищено «имеретинского сыру в переводе на молоко до 3000 л», в колхозе им. Войкова – более 1000 л молока. Бандиты систематически уничтожали пасеки, грабили колхозные кладовые, молокозаводы, мельницы и другие пищевые предприятия и организации, даже вырыли посаженный картофель. Особенно варварски уничтожались табачные парники колхозов, при этом бандиты оставляли записки: «Табак не нужен, ведь мужчин побьют и побили, и курить некому». Всего было уничто-

жено рассады более чем на 100 га табака, готовой к высадке в грунт, в результате 2 колхоза смогли приступить к посадке только за счет остатков рассад в других колхозах [7].

Необходимо отметить, что борьба с бандитизмом на территории края велась сразу несколькими ведомствами, и не всегда между ними складывалось тесное взаимодействие. В прифронтовой полосе ее вело Управление войск НКВД по охране тыла Северо-Кавказского фронта. В его оперативной сводке за июнь сообщалось, что «все возрастающая активность действий наших войск по борьбе с бандпроявлениями не дает развиваться бандформированиям». Успешная работа разведывательных отделений воинских частей позволяла быстро ликвидировать возникавшие бандитские группы. В той же оперативной сводке отмечалось усиление бандитизма в глубоком тылу фронта: «За пределами тыловой границы прифронтовой полосы и главным образом в районах Адыгейской автономной области в истекшем месяце число бандгрупп резко увеличивалось, а бандпроявления принимали более организованный характер. Всему этому благоприятствует наличие гор и лесных массивов, способствующих укрытию бандитов». Всего в июне 1943 г. по линии Управления войск НКВД по охране тыла Северо-Кавказского фронта из состоявших учете 147 бандитов было ликвидировано 60 чел. [8].

В структуре краевого Управления НКВД действовал специальный отдел по борьбе с бандитизмом. Согласно его данным, в первом полугодии 1943 г. на Кубани было выявлено 106 бандитских групп с общим количеством участников свыше 1 тыс. чел., 38 банд удалось ликвидировать полностью, 19 – частично, при этом 312 чел. убили и арестовали. В Мостовском, Тульском, Апшеронском, Белореченском, Нефтегорском, Майкопском, Кошехабльском и Теучежском районах действовало 68 бандитских групп с общим количеством до 700 участников. На территории Адыгеи было выявлено более 20 группировок численностью около 300 чел., имевших винтовки, автоматы, а некоторые даже пулеметы. Многим бандитам оказывали помощь не только их семьи и родственники, но и некоторые жители этих районов, «желая заручиться их милостью на случай возврата немцев» [9].

Сил для борьбы с бандитизмом у правоохранительных органов Кубани в тот момент времени оказалось явно недостаточно. Кроме того, начальник отдела по борьбе с бандитизмом Управления НКВД подполковник госбезопасности П. И. Сологуб указывал, что в борьбе с бандитизмом и дезертирством отсутствовала «единая линия», войска по охране тыла, войска НКВД, транспортные органы НКВД и другие части действовали разрозненно, «без увязки общих мероприятий». Существовали серьезные опасения, что «процесс консолидации бандэлементов усилится, и бандгруппы станут перерастать в повстанческие отряды» [10].

Поэтому 4 июля 1943 г. было принято секретное постановление крайкома ВКП(б) «О состоянии борьбы с бандитизмом в крае». Для руководства борьбой с бандитизмом в Майкопе была создана оперативная группа, в районы с наиболее сложной обстановкой откомандировывался оперативный состав управлений НКВД и НКГБ, увеличивались штаты районных отде-

лений НКВД и НКГБ, формировался милицейский кавалерийский эскадрон, усиливались гарнизоны для охраны железной дороги Белореченская – Туапсе. В районах, где действовали банды, проводилось сселение мелких хуторов в крупные населенные пункты, аресту подвергались семьи главарей банд и активных бандитов, за пределы края выселяли семьи «изменников Родины», приговоренных к высшей мере наказания.

Уже 7 июля состоялось первое заседание сформированного в Майкопе «штаба по борьбе с бандитизмом в Краснодарском крае», а 9 июля его представители выехали в районы. За две недели, с 1 по 14 июля, сотрудники НКВД и НКГБ убили и арестовали 102 чел. В Тульском районе, на территории Кавказского государственного заповедника и плато Лагонаки, была обнаружена банда в составе 50 чел., вооруженная станковым и ручными пулеметами, автоматами, с рацией и фотоаппаратом, продукты и снаряжение ей сбрасывались с немецких самолетов. К концу июля увеличилось количество бандитов, явившихся с повинной, но руководители оставшихся банд стремились восполнить потери за счет арестованных и осужденных лиц.

19 июля для работы с населением в аул Ходзь Кошехабльского района была направлена группа ответственных работников с секретарем Адыгейского обкома ВКП(б) Л. М. Кривенко. На общем собрании колхозники решили «с аула Ходзь черное пятно позора смыть, для чего к бандитам направить стариков с целью вывода их из леса для сдачи оружия, установив последним срок пять дней, а воинские подразделения из аула отвести». Всего в июле 1943 г. в крае было ликвидировано полностью 9 банд (52 чел.), частично – 29 банд (112 чел.), 24 бандита-одиночки и 43 пособника. При этом 107 чел. сдались добровольно, 92 были арестованы, 32 – убиты. Кроме того, в ходе мероприятий по борьбе с бандитизмом удалось арестовать 787 дезертиров и 511 чел., уклонявшихся от призыва в армию. На учете оставались 77 банд с общим численностью до 820 чел. [11].

В августе совместными действиями органов и войск НКВД, а также войск по охране тыла Северо-Кавказского фронта были полностью ликвидировано 50 банд численностью в 335 чел., 287 участников других банд, 117 бандитов-одиночек, 129 пособников. Кроме того, оказались задержаны 278 скрывавшихся в лесах дезертиров. При проведении операций 49 чел. убили, 400 – арестовали, остальные сдались добровольно. Сложившаяся обстановка потребовала изменения тактики борьбы с бандитизмом, упор был сделан на работу с населением. В сельсоветах, колхозах, крупных населенных пунктах проводились общие собрания, на которых разъяснялась ответственность за укрывательство бандитов. Принятые меры позволили к осени 1943 г. добиться определенных успехов в борьбе с бандитизмом, но социально-политическая обстановка на Кубани в течение всей Великой Отечественной войны продолжала оставаться достаточно сложной.

Примечания:

1. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. Краснодар, 2003. Кн.2. Ч.1. Хроника событий. 1943 год. С. 222–223.
2. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф.1774-А. Оп.1 доп. Д.30. Л.24–27.
3. Кубань в годы Великой Отечественной войны... Кн.2. Ч.1. Хроника событий. 1943 год. С.398.
4. Там же. С.400–401.
5. Кубань в годы Великой Отечественной войны... Кн.2. Ч.1. Хроника событий. 1943 год. С.398.
6. Архив Кавказского государственного биосферного заповедника. Письмо Н. Е. Лаврентьева начальнику Главного управления по заповедникам К. М. Шведчикову от 6 апреля 1944 г. Л.3.
7. Кубань в годы Великой Отечественной войны... Кн.2. Ч.1. Хроника событий. 1943 год. С.396–397.
8. Кубань в годы Великой Отечественной войны... Кн.2. Ч.1. Хроника событий. 1943 год. С.399.
9. Там же. С.401.
10. Там же. С.402.
11. Кубань в годы Великой Отечественной войны... Кн.2. Ч.1. Хроника событий. 1943 год. С.412–415.

Политические организации и крестьянское движение в Украине в начале XX в.: постсоветская украинская историография

Дмитрий Валерьевич Кудинов

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина

Аннотация. Анализируются взгляды современных украинских историков о влиянии национальных и российских партий на политизацию и организацию крестьянского движения в Украине, о причинах успеха или неудач агитации крестьянства, его привлечения в партийные ряды.

Ключевые слова: крестьянское движение, эсеры, эсдеки, кадеты, руповцы, Спилка, Первая русская революция.

Исследование крестьянского движения в Украине в период ПРР, его взаимодействия с национальными и российскими политическими партиями, имеет богатую научную традицию. Обозначенная еще в дооктябрьский период, данная проблема постоянно оставалась в поле зрения историков, содержательно изменяясь в зависимости от степени влияния господствующей идеологии на их мировоззрение и осознание предмета изучения. Действительно, историография революционных событий 1905-1907 гг. в Украине в советский период отличалась заидеологизированным, догматическим пониманием характера и роли крестьянского движения, равно как и его участия в национальном движении. С началом обновления методологии и мировоззренческих ориентиров исторической науки в 1990-е годы возникли новые перспективы для анализа крестьянского движения в Украине – этого важнейшего двигателя революционных преобразований начала XX в.

Одной из первых работ, освещающей современную разработку темы «украинское крестьянство – политические партии», стала статья В. Луценко, в которой автор осветил указанную проблему в границах историографии конца 1980-х – середины 1990-х годов. В поле зрения В. Луценко оказались ключевые позиции историков-современников по озвученной нами проблеме: выдвигание партиями аграрных программ и их качественная оценка в соответствии с требованиями современности; определение партиями тактических заданий и попытки их реализации; степень партийного влияния на крестьянство. В. Луценко отметил значительные успехи коллег в разработке проблемы сравнительно с советским историографическим периодом, но при этом вынужден был признать, что деятельность российских партий в Украине до сих пор остается малоизученной темой. Как в отношении анализа их аграрных программ, так и по причине низкого уровня конкретики в вопросах изучения биографий политических деятелей-участников крестьянского движения, активности деревенских партийных ячеек [1].

В 2005 году при Днепропетровском национальном университете состоялась единственная за период независимости конференция, посвященная событиям революции 1905-1907 гг. в Украине. Материалы конференции несколько расширили представление об особенностях революционных процессов в отдельных регионах Украины, а также участия в них различных партий. И все же общий вывод, сделанный деканом исторического факультета ДНУ С. Свитленко, оказался малоутешительным. Подводя итоги постсоветских исследований в области проблем ПРР, он пришел к заключению, что, с одной стороны, тематика революции прошла этап частичного теоретико-методологического переосмысления, очищения от догм и стереотипов, а с другой, с чем нельзя не согласиться, – наблюдалась тенденция сворачивания изучения революции и даже замалчивания в научной литературе событий, связанных с нею [2].

К неутешительным выводам приходили также историки Е. Герасименко и В. Магась. В частности, Е. Герасименко отметила, что ученые Украины исследованием крестьянского движения фактически не занимаются и, в целом, указанная тематика имеет исключительно прикладной характер в изучении деятельности политических организаций. Это было объяснено историком политическими изменениями в жизни общества, смещением научных приоритетов в переосмыслении прошлого, наконец, трудностями, связанными с финансированием научных исследований, ограниченностью доступа к основной массе документов и т. п. [3]. В. Магась добавил, что многие труды, вышедшие в течение 1990-2000-х годов, не лишены устаревших установок. При этом он позитивно отозвался о работах А. Федькова, посвященных взаимодействию организаций ВКС и политических партий на Правобережной Украине [4]. А. Федьков в своей отдельной монографии также упомянул «недостаточное освещение проблемы» в историографии. Вместе с тем, как и Е. Герасименко, отметил положительные стороны: утверждение принципов идейного и научного плюрализма, смена организации научных исследований в плане их переориентировки на украинскую проблематику, поиск новых оценок исторических событий и фактов, появление отдельных работ, посвященных деятельности политических партий на территории Украины. При этом А. Федьков в вопросах исследования партийной системы начала XX в. признал преимущество российских ученых, рассматривавших украинскую проблематику вопроса в пределах общероссийской проблематики [5].

Несмотря на выраженный историками довольно пессимистический взгляд на состояние отечественного крестьяноведения, отметим, что само по себе появление работ вышеуказанных авторов свидетельствовало о наметившемся прорыве во второй половине 2000-х годов в исследовании социально-политической борьбы украинского крестьянства. Действительно, начиная с 2005–2007 годов, наблюдаем появление значительного количества научных работ, посвященных данной теме, что обязывает внимательного исследователя к ее структурированию и анализу. Итак, целью данной статьи является краткий и, по возможности, содержательный обзор комплекса постсоветской украинской исторической литературы, полностью или час-

тично посвященной проблеме взаимодействия партий и украинского крестьянства, влияния политических организаций на крестьянское движение Надднепрянщины в целом.

Отметим, что в наиболее ранних постсоветских исследованиях аграрный вопрос и крестьянское движение в украинской историографии 1990-х годов рассматривались преимущественно сквозь призму деятельности российских и украинских партий. Подобной работой является монография В. Головченко, посвященная истории украинской социал-демократии. Историк довольно подробно описал пропагандистскую деятельность РУП-УСДРП среди крестьян, разработку партией аграрной программы, а также методику ее работы с трудовыми слоями населения [6]. При этом автор оказался склонен к некоторому преувеличению влияния украинских социал-демократов на крестьянство. В частности, Полтавско-Харьковское крестьянское восстание 1902 г, по его мнению, во многом обуславливалось именно воздействием в деревне руповской пропаганды [7].

С. Наумов в своей монографии, близкой по тематике к работе В. Головченко, не входя в полемику с коллегой, весьма осторожно отнесся к роли РУП в восстании 1902 г., определив предпосылки его возникновения куда более существенными факторами: массовое обнищание и продовольственный кризис стали настоящей первопричиной стихийного бунта, тогда как руповская агитация приняла на себя роль «катализатора в зарождении и в развитии выступления». В целом, крестьянский вопрос в работе С. Наумова приобрел «партийное» звучание. Монография позволяет представить каким был уровень поддержки крестьянством партий, в каких местах партии пользовались доверием, какой они придерживались тактики и методов работы с деревенским населением, насколько успешно распространялась в деревне партийная пресса, какую работу проводили партийцы по сплочению аграриев в Украинский крестьянский союз. Наконец, в ней приводятся примеры пассивного или активного участия крестьян в партийной работе [8].

Отдельные аспекты влияния украинских партий на крестьянство, левых по идеологии, в первую очередь, выделены в монографии А. Павка. Рассматривая эволюцию взглядов РУП на аграрный вопрос, историк указал и на изменения взглядов партийцев на методы крестьянской борьбы. В отличие от прежней установки на разжигание насильственных методов борьбы украинские левые, сделав соответствующие выводы после подавления Полтавско-Харьковского восстания, поставили перед собой задачу планомерной организации крестьянства. Уже в октябре 1902 г. РУП призвала аграриев к забастовке. Тот же метод борьбы, указывал А. Павко, партия предлагала и в годы ПРР, что и было зафиксировано на II съезде партии в резолюции, осуждавшей погромы и поджоги помещичьих имений [9]. Подобное изменение отношения к насильственным методам борьбы, по мнению историка, было связано с тем, что горький опыт восстания 1902 года «нанес чувствительный удар по теоретическим мечтам деятелей РУП»: стремление привить крестьянам интерес к идее самостоятельности Украины не нашел в деревне отклик.

Ранжируя партии по степени успешности в агитации крестьянства, А. Павко особое внимание уделил Украинской социал-демократической Спилке, некоторое время (вторая половина 1906 – первая половина 1907 гг.) чрезвычайно популярной во многих местностях Украины партии. В определенной степени ее успех был обусловлен приоритетом социальных заданий и, в первую очередь, разрешения неотложного земельного вопроса. Требования в агитации Спилки демократического обновления общества, избрания представительского органа тоже находили отклик в массах. Динамику активности организации А. Павко описал следующим образом: 1) формирование организационной структуры партии с момента ее появления в декабре 1904 г. до середины 1905 г.; 2) укрепление позиций УСДС во многих сельских районах Надднепрянщины осенью-зимой 1905 г.; 3) новый всплеск активности партии во второй половине 1906 г., сопровождавшийся формированием крупных районных организаций, преимущественно на Правобережье; 4) постепенный упадок Спилки, начавшийся в конце 1906 г. Последнее исследователь объяснил, во-первых, утратой национальных ориентиров партии, которая все больше походила на меньшевистское крыло РСДРП, а во-вторых, аморфностью организационной структуры партии и, наконец, репрессиями.

Тема отношений Спилки и украинского крестьянства уже в период третьей июньской монархии нашла продолжение в статье О. Федькова, показавшего, что и в послереволюционную вторую половину 1907 г. Спилка, вопреки поредению ее рядов, продолжала вести активную работу в деревне (организация крестьянских сходок, распространение прокламаций, проведение устной агитации), используя выборы в III Думу в качестве агитационной площадки для популяризации среди трудовых слоев населения своей политической платформы. При этом руководство Спилки в отличие от прежнего своего участия в избирательной кампании трезво рассчитывало не на проведение своих кандидатов в парламент, а на привлечение внимания крестьянства к революционным методам борьбы путем критики будущей Думы, как не способной, сообразно новому избирательному закону, отстаивать народные интересы [10].

Отдельной строкой в монографии А. Павко проходит деятельность российских партий в Украине. Толчком к широкой работе в деревне для них, отметил А. Павко, послужило Полтавско-Харьковское восстание 1902 г., заставившее многие партийные организации обратить внимание на крестьянство. Активнее всего в деревне работала ПСР, способствуя нарастанию в крестьянской среде антипомещичьих и антимонархических настроений [11]. О размахе эсеровской пропаганды указывают данные о масштабах издания революционной литературы. А. Павко и С. Сусоров в совместной работе привели следующие примеры: только один Черниговский комитет ПСР в 1906 г. выпустил около 25 наименований листовок общим тиражом более 130 тыс. экземпляров. 40 наименований издала Одесская, 30 – Волынская организации эсеров [12]. Для полноты картины добавим несколько штрихов. О литературном разнообразии революционных воззваний, как фронтальных

по содержанию, так и написанных в виде откликов на местные нужды и события, свидетельствуют следующие данные: в течение двух первых летних месяцев 1906 г. полиция изъяла в 48 населенных пунктах Харьковской губернии 480 листовок и брошюр РСДРП и ПСР 33 (!) наименований [13]. Однако, верно подмечал А. Павко, «эффект... пропагандистской интервенции в деревне не был значительным»: большое количество распространенной литературы само по себе не приводило к немедленной радикализации крестьянства, и совершенно не побуждало его действовать так, как это предлагалось в прокламациях – объединяться, бойкотировать власть, устраивать забастовки, оказывать сопротивление полиции и войскам, наконец, захватывать власть. Замечания историка заставляют несколько скептически рассматривать авторские приемы детального разбора содержания прокламаций с целью доказательства преемственности партийной агитации в революционных акциях крестьян. Ведь нередко содержание революционной литературы оказывалось малопонятным для них. К тому же она распространялась бессистемно и нерегулярно, что, естественно, снижало ее значимость [14].

Тема взаимоотношений крестьянства и украинских либералов в 1900-х годах кратко отображена в монографии В. Колесника и Л. Могильного. В ней соавторы существенное внимание уделили разработке либералами аграрной программы и попыткам ее популяризации в крестьянской среде. Историки, ссылаясь на многочисленные свидетельства выявления по селам пропагандистских материалов УДП и УРП, опровергли традиционный в исторической науке взгляд на то, что украинские либералы вели слабую агитацию среди крестьянства [15].

Деятельность в Украине остальных политических партий периода ПРР В. Колесник и Л. Могильный осветили в совместно написанном учебном пособии, отдельный параграф которого посвящен крестьянскому движению. При этом основной акцент соавторы сделали не на собственно социальных выступлениях крестьянства (исследователи ограничились перечислением форм борьбы и приведением статистики выступлений аграриев), а на связи крестьянства с партиями, его участии в выборах в Государственную думу, восприятия крестьянами национального вопроса. Относительного последнего пункта историки признали, что «уровень национального сознания крестьянства был невысоким, а груз социальных проблем – непомерно тяжелым». Отсюда проистекал и первоочередной интерес украинских крестьян к социальным лозунгам партий. Тем не менее, задачи национального освобождения постепенно овладевали частью крестьянства, о чем свидетельствовал определенный успех национальных партий в организации проведения Украинского крестьянского съезда, целью которого являлось образование отдельного Украинского крестьянского союза (съезд не состоялся по причине ареста его организационного комитета).

Росту политического сознания украинских крестьян, отмечали исследователи, способствовала не только их поддержка деятельности партий, но и участие в работе российского парламента. Крестьяне-депутаты II Думы, под-

черкнули они, фактически одобрили позицию УДРП по национальному вопросу (территориальная автономия Украины), но в аграрной программе заявили приверженность социализму. Таким образом, попытка увязать воедино национальный и аграрный вопрос во многом не удалась как раз по причине недостаточной проработки украинскими партиями аграрных программ, уступавших в радикализме платформам эсеров и большевиков [16]. На это же в своей монографии «Политические партии в 1905-1907 годы (деятельность политических и непартийных организаций в селах Правобережной Украины)» обратил внимание А. Федьков: украинские партии не смогли разработать «теоретически совершенные» программы с «практической направленностью» [17]. «Минусы» аграрных программ украинских партий также были проанализированы в одной из предшествующих работ автора данной статьи. Господствующая в украинском политикуме идея муниципализации земли, предполагавшая ее передачу краевыми органами власти для дальнейшего перераспределения участками в крестьянские руки на условиях государственной аренды призвана была актуализировать в крестьянском сознании «идейный» национальный вопрос через «меркантильный» земельный. На практике это только усложнило в восприятии аграриев сам процесс получения земли и затрудняло их агитацию со стороны национальных партий [18].

Абсолютно новой в работе А. Федькова является оценка деятельности СРН, успех которой он объяснял сфокусированной пропагандой крестьян («субъективные причины»), противопоставлением союзниками инородцев (особенно евреев) православным земледельцам, разочарованием последних в революции, угасанием их думских ожиданий, наконец, предоставлением крестьянам, примкнувшим к Союзу, определенных материальных выгод («объективные причины»). Однако если многочисленность низовых структур СРН по стране в целом можно объяснить сугубо формальным членством большинства союзников, то в отношении Правобережья это относилось далеко не ко всем группам и комитетам Союза. Многие из них действительно состояли из активных и организованных членов. В 1905-1906 гг. Союз не проявлял достаточной активности в регионе, что обуславливалось, с одной стороны, успешной агитацией революционных партий, а с другой, – медленным формированием организационной структуры СРН из-за противодействия со стороны официальных местных органов власти, относившихся к общественной инициативе монархистов с явным подозрением. На примере Подолья А. Федьков показал, что в деятельности СРН можно выделить два наиболее продуктивных периода: 1) 1907-1909 гг., когда с развитием сети отделов Союза в определенной степени крепились монархические симпатии крестьянства и 2) 1912-1913 гг. – новый виток активности СРН, объяснимый, в первую очередь, его экономической деятельностью (развитие партийной сети потребительских и кредитных обществ), а также «иррациональными причинами»: слухами о материальных преференциях для членов СРН. Например, о ликвидации землевладения инородцев – поляков и евреев, введения рублевой поденной платы, постепенной передачи земли право-

славных помещиков в пользование крестьян-союзников. К распространению этих известий оказался причастен Почаевский отдел Союза.

А. Федьков указал и на удивительную для исследователей русского монархизма грань деятельности СРН – организацию забастовок в 1913-1914 гг., что по нашему убеждению, указывает на однотипность социально-экономических стремлений крестьянства, независимо от того, к какой политической организации они примыкали [19].

Взаимодействие политических партий и крестьянства довольно широко освещено в диссертации Е. Герасименко. В частности, РУП, по ее словам, стала первой политической партией, «вызвавшей доверие деревни к городской интеллигенции». Обращение руповцев к практике народовольцев – «хождению в народ» – оказалось тактически правильным решением: крестьяне в начале XX века оказались уже внутренне подготовленными всей логикой пореформенного развития деревни к восприятию политической пропаганды. Учитывая тот факт, что они составляли преобладающую часть населения, политизация крестьянства становилась одним из ведущих факторов подмывания социальных основ режима. Отметив значительную роль РУП в подталкивании крестьян к выступлениям 1902 и 1904 годов, Е. Герасименко отдала должное и российской социал-демократии, печатный орган которой («Искра»), по ее убеждению, «выполнял роль лидера всего социал-демократического движения, в том числе на Левобережной Украине» [20].

Деятельность ПСР в украинском селе широко представлена в диссертации Н. Ситаловой. Следует отметить, что автор отнесла начало эсеровской агитации в Южной Украине не к самому моменту зарождения ПСР, а к 1903 г., когда партийцы после подавления Всеобщей стачки на Юге России сделали ставку не только на агитацию рабочих, но и на революционную работу с крестьянством. Действительно, именно в 1903 году в Екатеринославле был создан Комитет Крестьянского союза ПСР, через который в течение короткого времени были установлены связи с жителями 20 деревень во всех уездах Екатеринославской губернии, а в 12 из них организованы «группы Комитета Крестьянского союза Екатеринославской губернии». Задача пропаганды крестьян облегчалась тем, что актив партии составляли преимущественно представители земской интеллигенции – агрономы, врачи, фельдшера, учителя, находившееся в прямом контакте с крестьянами по роду своей деятельности. Задушевные разговоры о «землице», о воле оказывали притягательное воздействие. Как, впрочем, и удачно составленная для крестьянского восприятия эсеровская литература. Второй причиной популярности эсеров в деревне, по мнению Н. Ситаловой, явилась поддержка крестьянами лозунга социализации земли. В результате, часть крестьян не только пополнила подконтрольные партии кружки, но и приняла активное участие в работе самой партии – автор называет немало фамилий крестьян-членов ПСР, занимавшихся агитацией как в деревне, так и в городе. В частности, в 1905 г. крестьяне-члены Николаевской организации ПСР активно распространяли прокламации среди рабочих (Г. Меренков, О. Прочухин), принимали участие в создании кружков на Черноморском и Французском заводах, а

также в казенном адмиралтействе (В. Выхристюк) [21]. Нередко партийцы крестьянского происхождения привлекались и к боевым группам ПСР.

Довольно запутанно в работе Н. Ситаловой представлен вопрос взаимоотношений ПСР и ВКС. С одной стороны, историк отметила важную роль эсеров в организации местных ячеек Крестьянского союза, с другой – преувеличила их влияние на крестьянство, местами ставя знак равенства между комитетами Всероссийского крестьянского союза и братствами Крестьянского союза ПСР, как, например, в отношении Таврического крестьянского союза. Последний был ею отнесен к структуре ПСР, когда в действительности он являлся составной частью ВКС и выступал за ненасильственные действия крестьян, что напрямую противоречило тактике эсеров [22].

В период отступления революции, указывала Н. Ситалова, эсерам лучше остальных партий удалось сохранить партийную инфраструктуру в деревне и, более того, местами успешно ее развивать. Опираясь на деревенские организации, эсеры развернули активную агитацию в период избирательной кампании по выборам в I и II Думу, а также в начале проведения столыпинской аграрной реформы, которая, по их мнению, была призвана «обездолить трудовое крестьянство и усилить деревенских эксплуататоров», в связи с чем Южнорусский съезд ПСР (26-27 ноября 1906 г.) принял решение «как можно шире вести агитацию за составление приговоров о сохранении общинного землевладения». В данном случае, показывала Н. Ситалова, позиция эсеров совпадала с настроениями самого крестьянства, в большинстве своем относившегося враждебно к правительственной аграрной реформе [23].

Довольно востребованной темой в украинской историографии является деятельность российских либеральных партий в Украине. Следует признать, что деятельность КДП в деревне пока что раскрыта недостаточно полно, что можно объяснить информативной ограниченностью архивных материалов, способных пролить свет на характер взаимоотношений кадетов и крестьян. Тем не менее, в ряде исследований ему уделено определенное внимание. В частности, в диссертации А. Билоус повествуется об успешной партийной работе в крестьянской среде, проводимой Херсонской губернской организацией, Киевским комитетом, Сумской и Сквирской группами КДП. Киевские кадеты, указывала историк, не только вели активную агитацию среди крестьян, но и деятельно поддержали инициативу украинских либералов создать Украинский крестьянский союз, что, очевидно было согласовано с УДРП. Определяя социальный портрет кадетских организаций в Украине, А. Билоус отметила, что большинство мелких земледельцев, входивших в состав партии, «были крестьянами только по происхождению», тогда как в профессиональном отношении – далекими от земледелия [24]. С данным утверждением можно согласиться лишь с оговоркой на местные обстоятельства. В ряде районов Украины кадетам удавалось привлечь в свои ряды членов «от сохи». Например, по нашим данным, приводимым в монографии «Сумские либералы в российском освободительном движении, 1901-1906 гг.: региональное измерение», в уездной группе КДП большинство из крестьян-кадетов со-

ставляли не земские служащие, селяне по происхождению, а настоящие хлебопашцы [25].

Несмотря на малочисленность сумской организации либералов, ее влияние на крестьянство было чрезвычайно сильным благодаря тому, что руководители местного комитета ВКС были кооптированы в состав КДП. Это обстоятельство обеспечило во время думской избирательной кампании 1906 г. представителю КДП Г. Линтвареву победу как по баллотировке в Сумском уезде, так и на губернских выборах. Подобный пример несколько дезавуирует видение кадетов как партии, слабо связанной с сельским населением, особенно в период наивысшего подъема революции.

Взаимоотношения партий и крестьянства довольно обстоятельно рассмотрены в работах А. Кривобока, уделившего значительное внимание вопросу развития территориальной структуры партий в сельской провинции Черниговщины в начале XX в. По его данным, накануне и в первый год ПРР здесь сильнейшие позиции удерживала РУП (при этом организационная структура все же была лучше развита у РСДРП), которая в регионе опиралась в своей работе на многочисленные сельские организации. Самые крупные из них сосредотачивались в Нежинском (здесь группы РУП имелись в 15 деревнях), и в Глуховском (5 организаций) уездах. Кроме того, РУП вела активную пропагандистскую работу по селам Борзненского, Кролевецкого, Козелецкого, Конотопского, Сосницкого и Черниговского уездов. В то же время ПСР, доказал исследователь, наоборот, имела слабую связь с селом, что, следует отметить, являлось региональной особенностью Черниговщины. Слабыми связями с селом отличались и местные группы КДП [26].

А. Кривобок не ограничился количественными выкладками формализованной информации – какие партии имели в своем распоряжении сельские организации, в какой период и какой численности. Историк раскрыл сущность самой работы партий в деревне: создание ячеек ВКС или содействие их деятельности (ПСР, КДП), распространение в деревне партийной литературы (УСДРП, Спилка, ПСР, Бунд, РСДРП, КДП), бойкот уплаты налогов (РСДРП), организация митингов (УСДРП, ПСР, РСДРП), поддержка развития финансово-кредитных подпартийных учреждений (КДП, СРН), мобилизация крестьян на выборах в Государственную думу (Спилка, СРН). В отношении крестьян к партиям он отметил интересную особенность – селяне едва ли дифференцированно воспринимали пропаганду левых партий, требования которых были схожи между собой: созыв Учредительного собрания, передача земли крестьянам, отказ от уплаты налогов, формирование демократически избранных органов власти. При этом эсдекам в 1905 г. нередко приходилось избегать популяризации своей аграрной программы с ее ограниченным требованием вернуть землепашцам «отрезки» и агитировать крестьян в духе эсеровского лозунга социализации земли.

Работы А. Кривобока отличаются повышенным вниманием к мельчайшим деталям политической жизни, что позволяет ему не только оперировать сухими фактами, но и делать интересные наблюдения, касающиеся деятельности партийных организаций. Например, в местечке Веркиевка, выяснил

историк, с начала 1904 г. существовал кружок РУП, возглавляемый учителем Ю. Гаврилеем и действовавший практически открыто «из-за полного беспорядка в среде местных сил правопорядка: местный пристав с урядником, зная практически в лицо большинство местных революционеров, закрывали глаза на пропаганду по причине кумовства и беспробудного пьянства, а также личных амбиций пристава, которого давно не повышали по службе. Именно при таких обстоятельствах весной 1905 г. состоялся ряд поджогов изб и сараев зажиточных крестьян. В обнаруженной на улице записке эти действия мотивировались карой тем односельчанам, которые воспрепятствовали разгрому экономии Терещенко [27]. Подобные сообщения наводят на мысль, что успех работы оппозиционных партий в деревне зависел не только от организаторских способностей и умения ее представителей вести пропаганду среди хлеборобов, но и от тщательного исполнения полицией своих обязанностей. Описанный случай также позволил А. Кривобоку сделать вывод о том, что на низовом уровне руповцы вполне могли не придерживаться линии своей партии по использованию исключительно мирных методов борьбы и, наоборот, открыто подстрекать крестьян к насильственным действиям.

Среди региональных исследований по истории украинских партий обращает на себя внимание статья С. Наумова «Глуховская организация РУП-УСДРП и ее литература», в которой автор с максимальной реалистичностью и детализацией воспроизвел картину деятельности партийной группы, уделив внимание ее работе с крестьянством. С. Наумов выяснил, что партии удалось создать в нескольких населенных пунктах региона довольно крупные группы. Так, в сс. Ямполь и Собичи в них насчитывалось 50 и 59 членов соответственно – свидетельство результативной агитационной работы [28]. «Крестьянский» материал также обнаруживаем в книге крымского исследователя В. Королева. Аспект взаимодействия партий с крестьянством в ней прослеживается сообщениями о распространении эсерами листовок среди сельских жителей Таврической губернии, а также активным участием ПСР в формировании комитетов ВКС в регионе [29].

Перечень исторической литературы по указанной нами в начале статьи проблеме, безусловно, не исчерпывается перечисленными работами. Здесь приведена выборка наиболее примечательных, по нашему убеждению, исследований по теме «партии – украинское крестьянство». Данная тема сама по себе естественно вырастает из постановки вопроса о разработке партийных программ и деятельности партий в условиях революционной трансформации общества, при которой крестьяне впервые выступили в качестве реальной силы, способной существенно повлиять на исход революции, а следовательно, на судьбу всего государства. Соответственно, серьезное исследование партийной системы прошлого или отдельных ее составляющих – партий, должно раскрывать и аспект политического влияния на крестьянство со стороны партийных организаций и наоборот – реагирования крестьянства на действия партий. В этом отношении постсоветская историческая наука в Украине сделала заметный шаг вперед. Во-первых, пересмотрены преж-

ние определения партий как «пролетарских», «мелкобуржуазных», «буржуазных», «черносотенных», что дало возможность непредвзято посмотреть на роль, которую они отводили крестьянству в революции, на стратегии партийной работы в деревне, на попытки придать крестьянскому движению организованный характер или, наоборот, вернуть аграриев к верности монархии. Во-вторых, благодаря тщательному изучению первоисточников определен рейтинг партий сообразно степени их влияния на крестьянство. В-третьих, тема «партии – украинское крестьянство» затронула и региональные исследования, что позволило углубить ее изучение, а также обозначить новые направления работы историков в исследовании местных особенностей деятельности партий, их связи с крестьянским движением.

В целом украинскую постсоветскую историографию указанной проблемы можем условно разделить на два субпериода: 1) 1991-2006 гг., когда крестьяноведческая тематика революционных трансформаций в деревне была представлена лишь отдельными публикациями; 2) с 2007 г. до сегодняшнего дня – отличается выходом в свет ряда крупных работ, прежде всего, диссертаций, обладающих свежим научным взглядом на крестьянское движение в Украине. Второй субпериод характеризуется также максимальным дистанцированием от советской традиции историописания крестьянского движения, критическим переосмыслением дооктябрьской и советской историографии, актуализацией новых тем, связанных с социальными протестами жителей деревни, как, например, борьба политических организаций за влияние в деревне, деятельность ВКС в украинских губерниях, роль сельской интеллигенции в трансформации идейных убеждений крестьянства и его социально-политической организации.

Примечания:

1. Луценко В. П. Політичні партії, рухи, громадські організації в Україні: історія та сучасність // Вісник Харківського університету. Серія: Історія України. 1996. № 387. С. 45-55.

2. Світленко С. І. Теоретико-методологічні проблеми вивчення історії демократичної революції 1905-1907 рр. в Україні // Демократична революція 1905-1907 рр. в Україні: Актуальні проблеми вивчення: Матеріали Міжрегіональної наукової конференції, (Дніпропетровськ 24 лютого 2005 р.). Дніпропетровськ, 2005. С. 4-14.

3. Герасименко О. В. Селянський рух на Лівобережній Україні. (1900 – лютий 1917 рр.): Дис... канд. іст. наук: 07.00.01. Чернігів, 2008. С. 28-36.

4. Магась В. О. Всеросійський селянський союз в Україні у 1905-1907 рр.: Дис... канд. іст. наук: 07.00.01. Кам'янець-Подільський, 2009. С. 24-30; Федьков О. М., Магась В. О. «Селянству – владу і землю!» Всеросійський селянський союз в Україні (1905-1907 рр.): монографія. Кам'янець-Подільський, 2011. – С. 25-28.

5. Федьков О. М. Політичні партії і селянство в 1905-1907 роки (діяльність партійних та непартійних організацій в селах Правобережної України): Монографія. Кам'янець-Подільський, 2007. С. 10-12.

6. Головченко В. Від «Самостійної України» до Союзу визволення України: Нариси з історії української соціал-демократії початку ХХ ст. Харків, 1996. С. 21, 33, 39-43, 58-59, 63-64, 71-74, 78.
7. Там же. С. 43.
8. Наумов С. О. Український політичний рух на Лівобережжі (90-і рр. ХІХ ст. – лютий 1917 р.): монографія. – Х., 2006. С. 47-255.
9. Павко А. І. Політичні партії, організації в Україні: кінець ХІХ – початок ХХ століття: зародження, еволюція, діяльність, історична доля. Кінець ХІХ століття – лютий 1917 р. К., 1999. С. 74-75, 126-127, 131; Історія українських політичних партій: Хрестоматія-посібник. Кінець ХІХ – 1917 р. – К., 2003. Ч. 1. С. 79-80.
10. Федьков О. Українська соціал-демократична Спілка і вибори до ІІІ Державної думи Російської імперії // Гуржіївські історичні читання: 36. наук. пр. 2009. Вип. 3. С. 249-251.
11. Павко А. І. Політичні партії, організації в Україні... С. 118-119.
12. Павко А. І., С. В. Сусоров. Розповсюдження видань Партії соціалістів-революціонерів у селах України (1905-1907 рр.) // Наукові праці з питань політичної історії. К., 1992. № 173. С. 50, 53.
13. ГАРФ. Оп. 234. Д. 20. Ч. 88. Л. 4-14.
14. Павко А. І. Політичні партії, організації в Україні... С. 177; Павко А. І., С. В. Сусоров. Розповсюдження видань Партії соціалістів-революціонерів... С. 54-56.
15. В. Ф. Колесник, Л. П. Могильний. Українські ліберально-демократичні партії в Російській імперії на початку ХХ століття: Монографія. К., 2005. С. 128-129, 141-142, 157-159.
16. В. Ф. Колесник, Л. П. Могильний. Політичні партії та суспільно-політичні рухи в Україні наприкінці ХІХ – на початку ХХ століття: Монографія. К., 2007. С. 173-186.
17. Федьков О. М. Політичні партії і селянство... С. 67.
18. Кудінов Д. В. Аграрні програми українських політичних партій напередодні і в період буржуазно-демократичної революції 1905-1907 рр. // Сумська старовина. 2007. № ХХІІІ. С. 45-46.
19. Федьков О. М. Політичні партії і селянство... С. 126-128; Федьков О. Чорносотенці і чутки на Поділлі // Молода нація. 2004. № 4(33). С. 5-21.
20. Герасименко О. В. Селянський рух на Лівобережній Україні... С. 91; Герасименко О. В. До питання про політичну агітацію серед селянства України на початку ХХ століття // Література та культура Полісся. 2002. Вип. 20. С. 115-121.
21. Сіталова Н. О. Діяльність соціалістів-революціонерів Південної України напередодні та в період революції 1905-1907 рр.: Дис... канд. іст. наук: 07.00.01. Дніпропетровськ, 2009. С. 124.
22. Там же. С. 123; Королев В. И. Политические партии в Таврической губернии, 1905-1907 гг. Симферополь, 1993. С. 43.
23. Сіталова Н. О. Діяльність соціалістів-революціонерів Південної України... С. 153-154.

24. Білоус А. О. Діяльність конституційно-демократичної партії в Україні під час Першої російської революції (1905-1907 рр.): Дис... канд. іст. наук: 07.00.01. К., 1993. С. 87, 91, 93, 105, 164.

25. Кудинов Д. Сумские либералы в российском освободительном движении, 1901-1906 гг.: региональное измерение: монография. Сумы, 2013. С. 80-84.

26. Кривобок О. Ліберальні партії Російської імперії на півночі Лівобережної України у 1905-1907 роках // Сіверянський літопис. 2008. № 3. С. 132; Кривобок О. П. Нарис історії РУП-УСДРП на Чернігівщині на початку ХХ ст. – штрих до політичної історії регіону // Проблеми історії України ХІХ – початку ХХ ст.: Зб. наук. пр. 2005. Вип. Х. С. 69-75; Кривобок О. Територіальні зв'язки як чинник формування партійно-політичної і адміністративної мережі на півночі Лівобережної України (початок ХХ ст.) // Регіональна історія України. 2009. Вип 3. С. 237-238; Кривобок О. П. Діяльність політичних партій та організацій на півночі Лівобережної України в кінці ХІХ – на початку ХХ ст.: монографія. Ніжин, 2011. С. 30-107.

27. Кривобок О. П. Нарис історії РУП-УСДРП... С. 74.

28. Наумов С. Глухівська організація РУП-УСДРП та її література // Сіверянський літопис. 2005. № 2. С. 12.

29. Королев В. И. Политические партии в Таврической губернии... С. 6.

Город Муром и его кремль

Юрий Михайлович Смирнов

Муромский историко-художественный музей, Российская Федерация
главный научный сотрудник
E-mail: smirnov@museum-murom.ru

Аннотация. В статье на основе обширного материала рассматривается история города Муром и его кремля. Представлена реконструкция его крепостных сооружений.

Ключевые слова: город Муром, история, Кремль.

Если дата возникновения Мурома, несмотря на, казалось бы, точное ее указание в Начальной русской летописи – 862 год – уже давно вызывает справедливое сомнение, то признание его одним из первых и старейших городов Руси бесспорно. В этом случае, исходя из аксиомы, что один из важнейших признаков древнерусского города – наличие мощного укрепления, следует предположить существование такого сооружения – кремля – и в Мурома. Однако достоверных сведений о наличии чего-то подобного в городе в ранний период его истории нет. Во всяком случае, археология не имеет практически никаких данных о городских фортификациях. Отчасти это обусловлено тем, что полномасштабных раскопок на территории, где мог стоять кремль, не проводилось; отчасти тем, что в результате и природных катаклизмов, и того, что принято сейчас называть антропогенным фактором, вероятность обнаружения крепости достаточно невелика. Пока же в этом ряду находок следует отметить обнаруженное Н. Н. Ворониным в 1946 г. углубление, которое он интерпретировал как остатки рва, защищавшего убежище племени мурома в то время, когда еще и города не было [1]. В 1998 г. во время спасательных раскопок на глубине 155-205 см от современной дневной поверхности обнаружен очень плотный слой щепы и древесных остатков. «Происхождение этого слоя... может быть увязано только с крупномасштабным и недолговременным строительством, которым в хронологическом диапазоне находок могло быть строительство муромского деревянного кремля в XI в.» [2].

Так что предположительно можно говорить о существовании кремля примерно с X-XI в., тем более, что к этому времени Муром уже определенно был городом, а не племенным центром [3]. Некоторые исследователи считают, что кремль в этом месте был построен только после XIII в., а до того находился несколько северо-западнее [4] (археологически это не подтверждено). Едва ли не первое достоверное упоминание о кремле относится только к середине XV в.: «Городская крепость, находясь в хорошем положении,

1458 г. Сентября 29 подверглась свирепости огня: кремль города Мурома выгорел весь» [5].

Муромский кремль был деревянным. В нашем климате деревянный город ветшал примерно за тридцать лет. С конца XI по начало XVII в. Муром не менее тридцати раз подвергался осадам [6], во время которых и горел, и бывал разрушен, и приходил в запустение после эпидемий; неоднократно страдал от бытовых пожаров [7]. К тому же менялась техника строительства, отрабатывались приемы захвата городов, совершенствовалось оружие. Это влекло изменения в конструкции оборонительных сооружений. Так что за примерно восемь веков существования муромский кремль неизбежно пережил многие изменения в своем облике [8]. К сожалению, ни одна из прошедших эпох не оставила полномасштабных свидетельств о том, каким был кремль. Поэтому для его воссоздания приходится использовать те крохи, которые рассыпаны и отыскиваются в документах разных периодов.

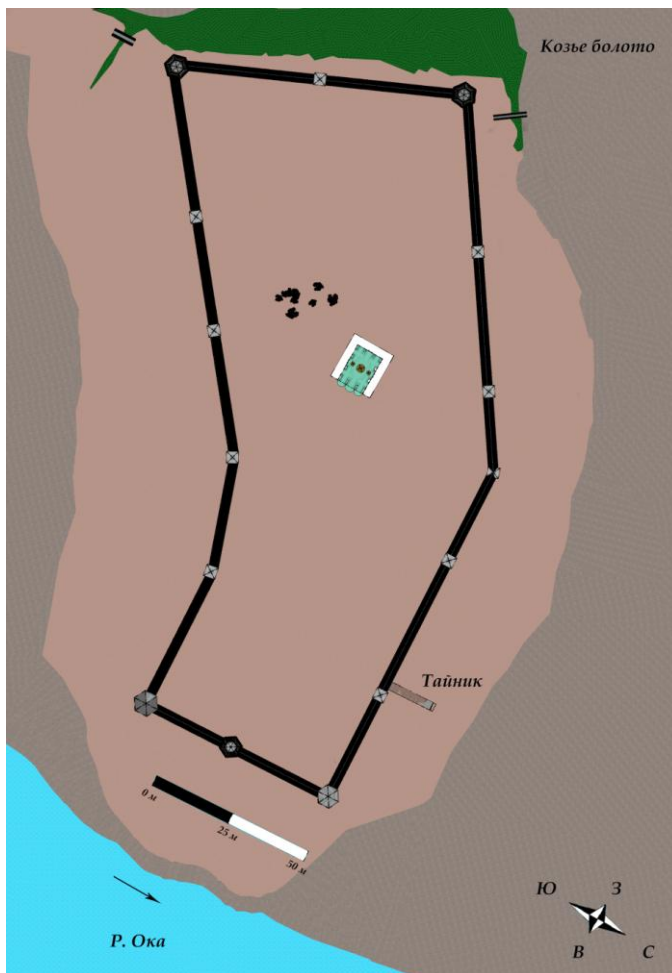

Рис. 1. Кадр «Сверху». План муромского кремля XVII в. Реконструкция. Компьютерная графика И. Ценилов

С точки зрения обороны Муром – полукруглый по структуре город – и его кремль занимали выгодное положение, максимально используя защитные свойства рельефа местности [9]. Кремль стоял на высоком («12-15 саж. над уровнем реки» [10], т. е. приблизительно 25-32 м. – Ю. С.) холме левого берега Оки. С востока холм спускался к реке, с юга и севера его защищали глубокие – до 30 м – овраги с крутыми откосами, с запада протекала Козья

речка, выполнявшая роль рва. Ее истоком было Козье болото, лежавшее в нескольких десятках метров от кремля.

С Кремлевского холма хорошо просматривались городские посады. С востока город прикрывала полноводная и широкая Ока, с юго-запада (касимова-рязанское направление) – большое Торское болото, начинавшееся километрах в 3-4 от кремля. По болоту в направлении на Рязань была выслана гать. С северо-запада Муром защищали леса, настолько дремучие, что порой свои рати блуждали в них [11]. Таким образом, наиболее опасными для города направлениями продвижения противника в теплое время года были пути по Оке и вдоль ее западного берега.

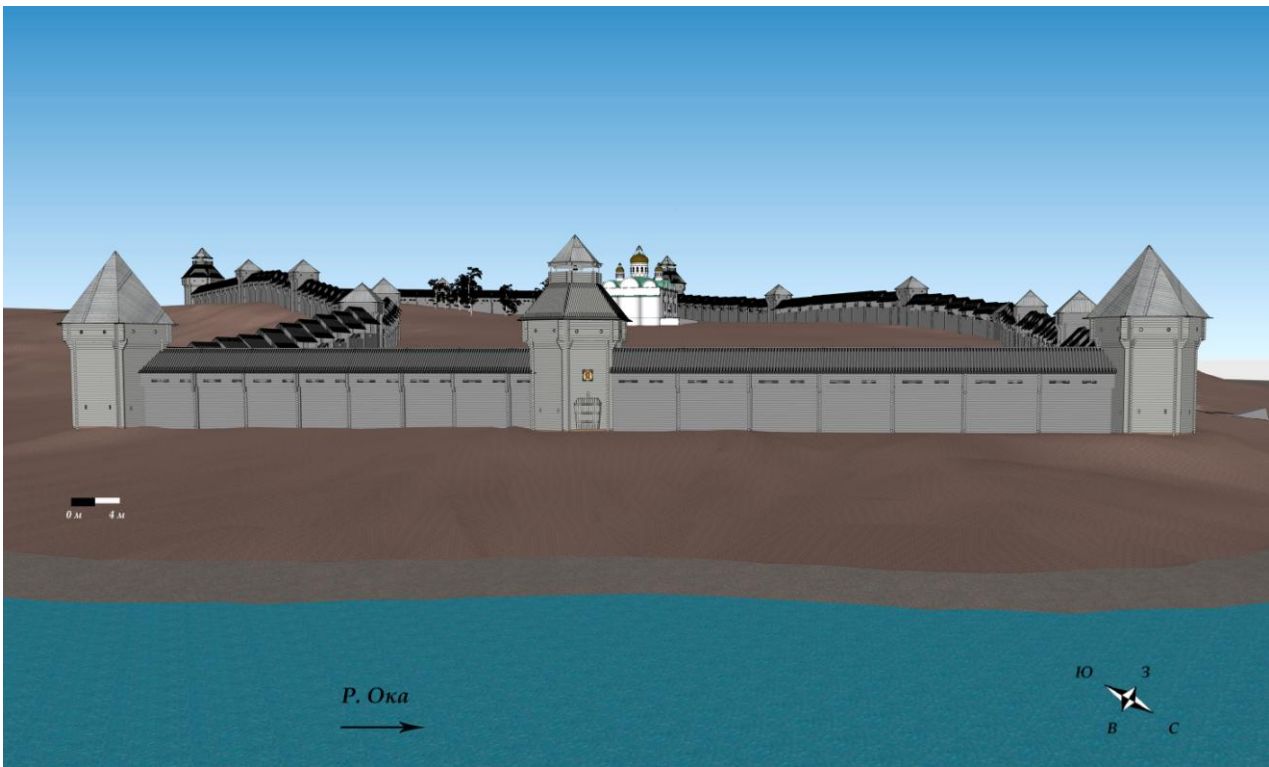

Рис. 2. Кадр «Восток». Муромский кремль 1678 г. Восточная стена. Реконструкция. Компьютерная графика И. Ценилов

К началу XVII в. Муром, благодаря Оке, являлся городом крупным, важным военно-стратегическим и торговым центром. Он лежал на торговом пути из Москвы на восток, к Волге и Каспию. Река служила не только удобной дорогой для купцов, но и являлась естественной оборонительной линией для русских земель, находившихся к северу от нее. Автор конца XV в. даже назвал Оку «поясом пресвятой Богородицы, защищающим Русскую землю от врагов» [12].

Муром был звеном этого пояса и одновременно играл роль самостоятельного укрепления, отражал набеги степняков и иных супостатов; был местом размещения полков [13]. Здесь же собирались рати для дальних походов, как, например, в октябре 1582 г. соединились войска для зимнего рейда «в Казань горней черемисы воевать, что черемиса заворовалась» [14].

Здесь находились русские посадники, иногда князя с дружинами; был он и местом политической ссылки [15].

После покорения Иваном Грозным Казанского ханства в 1552 г., и с укреплением южных границ страны, которые были отодвинуты еще южнее, военное значение Мурома снижается. Город был отнесен ко второй линии обороны. Однако на первых порах на русские пределы продолжались набеги «незамиранных» народов Поволжья [16]. Князь А. Курбский в «Истории о великом князе Московском», желчно отмечал, что князья казанские и «поганные языки» воюют Казань «и на землю Муромскую... наезжают и пленяют... Того было безпрестанне аки шесть лет после взятия места Казанскаго» [17]. Даже в 1573 г. московское правительство держало на линии Елатьма – Муром – Нижний Новгород – Шуя – Плес пять полков против казанских людей, и только в сентябре того года в Муроме на переговорах казанцы «добили челом» государю» [18].

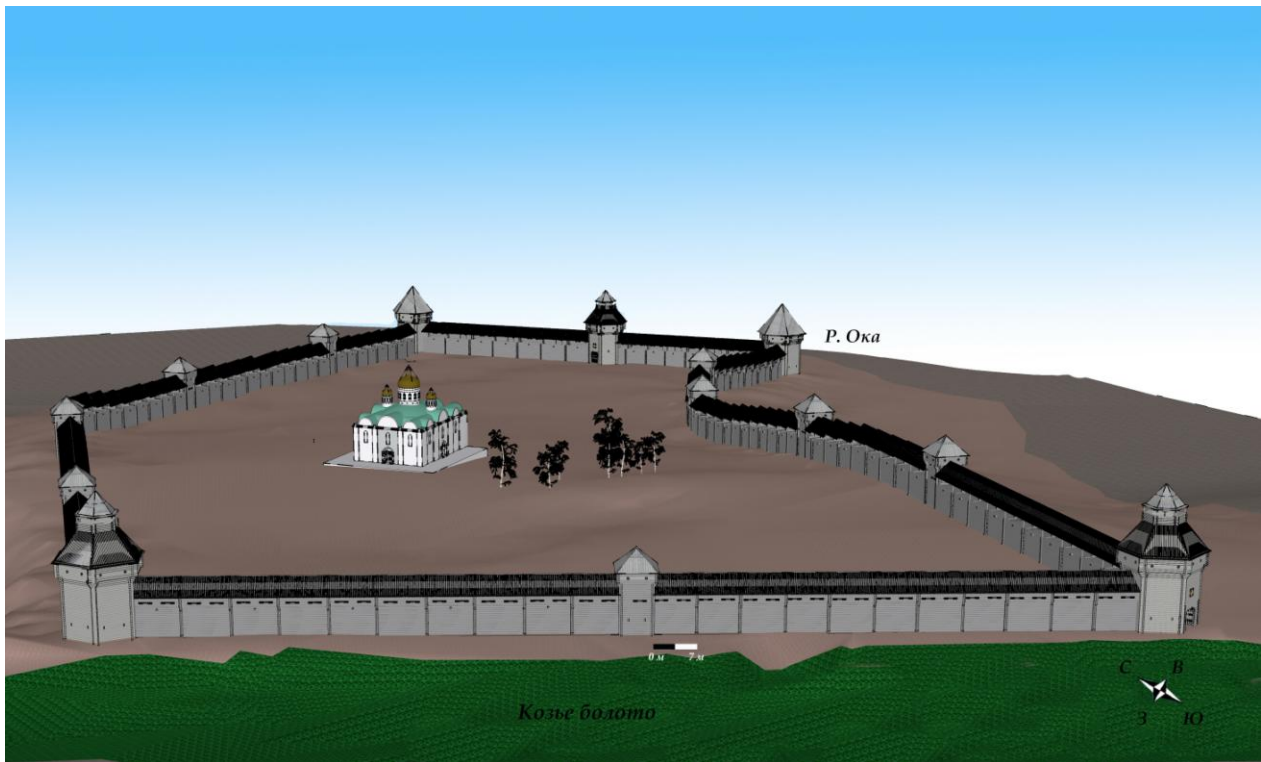

Рис. 3. Кадр «Запад». Муромский кремль 1678 г. Западная стена.
Реконструкция. Компьютерная графика И. Ценилов

Затем и Смутное время, все перипетии которого испытал Муром («В Муроме дворян и детей боярских и черных людей многих побили на смерть», – докладывал владимирский воевода М. Вельянинов [19]), и крестьянские войны показали, что внутренние крепости еще играют важную роль в обеспечении безопасности государства. Во время восстания Стеньки Разина, например, касимовский воевода бежал в Муром, поскольку укрепления Касимова сгорели в том же году [20]. По сему поводу уже муромский воевода А. Шеховский писал государю в челобитной: «В нынешнем Октябре при-

шел в Муром в приказную избу Касимовский воевода Тимофей Караулов сказал: приехал де он Тимофей из Касимова боясь от приходу воровских людей, потому что в Касимове города и острогу нет... и он де Тимофей, слыша от их воровских людей проход из Касимова в Муром и приехал, а от Муром, Государь, Касимов только в семидесяти верстах, а от тово приходу воровских людей в Муроме в осаде без служилых людей быть опасно, а снаряду Государь в Муроме только одна железная пушечка небольшая да 29 мушкетов и о том снаряде я холоп твой к тебе великому государю к Москве в пушкарский приказ в нынешнем году в Октябре месяце... писал» [21].

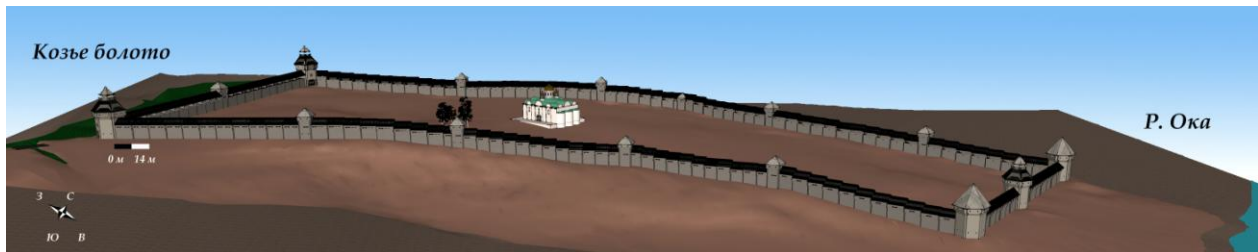

Рис. 4. Кадр «Юг». Муромский кремль 1678 г. Южная стена. Реконструкция. Компьютерная графика И. Ценилов

Обо всем этом свидетельствуют и многие отечественные письменные документы, и записи не столь частых просвещенных иностранцев-путешественников, дипломатов, волею судеб мелькнувших в Муроме. Однако прямых сведений о городских укреплениях в них почти не встречается. Отметив в дорожных записях самые общие впечатления о Муроме, залетные иноземцы оставили крайне мало каких-либо конкретных описаний. Это и понятно: с одной стороны, заморский вояжер проезжал, спеша по иным делам, и его пребывание в Муроме было кратким. С другой – иностранцев в «город» (кремль) не пускали, ибо каждый проезжающий гость из далеких стран – и не без основания – местными властями подозревался в шпионаже. Это, тем не менее, не помешало Э. Дженкинсону, в своих путешествиях четырежды проплывавшему мимо Муром, в 1558 г. радостно отметить в путевых записках, что выглянуло солнце, и он смог определить географические координаты города под 56° , под которыми и указал Муром на изданной им географической карте (для ср.: справочник 1911 г. приводит $55^\circ 35'$ с. ш.) [22]. Однако сам Муром Дженкинсон лаконично называет «прекрасным» [23]. Глава шведского посольства П. Юстен в 1570 г. был отправлен русским царем в заключение в Муром, и в повествовании о своих мытарствах тоже ничего не сообщает о крепости, хотя от скуки подробно сосчитал, сколько бревен пошло на изготовление ограда вокруг его дома [24]. Дон Хуан Персидский называет Муром, который посетил в самом конце XVI в., просто «большим и многолюдным», несмотря на то, что за тридцать лет до этого, как раз в бытность в нем Юстена, город пережил моровое поветрие и обезлюдел [25]. Но уже в начале XVII в. еще один посланник шведского короля

Карла IX, путешествовавший по России в 1608 и 1611 годах, пишет о плачевном состоянии города: «К востоку от Нижнего Новгорода лежит маленькая область, называемая Муром, имевшая прежде собственных Князей и Государей, но ныне и город, и крепость разорены» [26].

Русские купцы и воины – а именно они в XVI-XVII вв. составляли основную массу проходящих, проплывающих и проезжающих через Муром, – также не блещут красноречием и описанием подробностей «городского строения». Князь А. Курбский, например, в маршруте казанского похода Ивана Грозного 1552 г. всего лишь называет «место великое глаголемое Муром» [27]. В 1623 г. московский купец Ф. А. Котов, отправленный в Персию, кое-что поднапутав, отметил, что «город Муром деревянный рубленый, стоит высоко на земляном валу... Около города высокие места, холмы. В нем много каменных и деревянных храмов и домов. За городом на луговой стороне над Окою красиво расположены посады» [28].

Наиболее полные и достоверные сведения о муромских кремлях XVI-XVII вв. содержатся в Писцовых книгах [29], Книгах городского дела 1665, 1676, 1678 гг. [30] Однако и этих данных недостаточно, чтобы составить адекватное представление о муромской крепости того времени.

Относительно часто встречаются упоминания и описания муромского кремля в различного рода топографических и статистических справочниках и материалах XVIII-XIX вв., а также в исторических очерках и зарисовках того же времени. Хотя, казалось бы, эти издания выходят за хронологические рамки интересующего нас периода и порою имеют разночтения, тем не менее, они дают весьма ценный материал, без которого реконструкция кремля едва ли была бы возможной.

Первым и наиболее известным сочинением такого рода является труд обер-секретаря Сената И. К. Кирилова, законченный в 1727 году, «Цветущее состояние Всероссийского государства». «Книга первая, в которой описаны губернии и провинции, в них города, гарнизоны, артиллерии, канцелярии, конторы, управители с подчиненными, епархии, монастыри, церкви, число душ и разположенные полки, и доходы, как оные ныне состоят», повествует, что «Муром, город деревянной рубленой, в нем 2 башни проезжие, 4 глухих, по мере около города и башен 793 сажени с третью, стоит на реке Оке» [31], что, в общем-то, и «по мере около города», и по количеству башен весьма слабо согласуется с тем, что было сказано о муромском кремле и до, и после этого. Г. Х. Л. Бакмейстер со ссылкой на запросные известия из Муромской воеводской канцелярии от апреля 1764 г. утверждает, что муромский кремль построен «на луговой стороне Оки реки на деревянной осыпи. С трех сторон окружают его глубокие рвы, а с четвертой Ока река. Мерою около его 700 сажень. Ограждение деревянное, совсем развалилось» [32]. В этом описании неправильно указан берег реки, на котором стоит город: на самом деле он т. н. «нагорный», левый. Кроме того, непонятно, что такое «деревянная осыпь». По описанию Г. А. Рязского 1784 г. город «расположен на горе и по берегу реки Оки, по течению ее на левой стороне, которая называется Нагорная, а правая Луговая... Разделяется на две части: 1-я называется

Кремль, который окружен с трех сторон глубокими рвами, а с восточной рекой Окой» [33].

И. Токмаков со ссылкой на описи 1637 и 1678 гг. представляет Муром как дубовую крепость в форме неправильного четырехугольника «с проезжими и глухими башнями, заключаая 559 сажень в окружности... Крепость эта называлась кремлем, а иногда детинцем и даже городищем» [34]. Н.Н. Ушаков, называя те же 559 сажен в окружности, настаивает, что «крепость была окружена валом, а на валу шли две стены с башнями в три боя» [35]. Этим авторам вторит и муромский краевед-издатель В. И. Пехов [36], и современные исследователи [37].

Сложить объемную картинку из этих отрывочных и противоречивых фрагментов весьма проблематично. Не дают такого представления и имеющиеся изображения кремля: они или не документальны, или – являясь плодом творческой фантазии и «вариациями на тему» – не достоверны.

Ряд изображений муромского кремля представлен в иконописи и миниатюрах лицевых рукописей [38]. Большая часть икон иллюстрируют два житийных произведения муромского круга середины XVI в.: «Повесть о Петре и Февронии» и «Повесть о водворении христианства в Муроме» («Жития святого благоверного князя Константина и чад его Михаила и Феодора») [39]. Соответственно, и представляют они не реальный город, но легендарный, чудесный, идеально-символический, подобный Небесному Иерусалиму [40]. Лейтмотивом в них проходит отражение строк из «Повести о водворении христианства в Муроме»: «Град Муром во дни древние создание имея стены града каменные, и мраморные, и того ради нарицашеся град: Муром» [41]. «Но с этим толкованием нельзя согласиться, как совершенно натянутым, – еще в начале XX в. писал краевед Н. П. Травчетов, – если прилаг. мраморный (муравленный?) сблизать со словом Муром, или совершенно произвольным, если объяснить последнее лат. сл. *murus* (стена каменная), так как было не мало и др. городов, имевших каменные стены и тем не менее носившим другие названия» [42]. Следует отметить, что у Муромы никогда не было не то что мраморных, но и просто каменных стен. Однако при всей мифологической и идейно-эмблематической программе изображений, далекой от сухих фактов Писцовых книг, следует отметить некоторое совпадение топографических реалий – пусть схематично, а также некоторых деталей в изображении кремля [43].

Ближе к натуральному прообразу изображен кремль на иконе «Собор муромских чудотворцев» конца XVII в. [44] Деревянная стена с тремя башнями представлена с северо-запада, со стороны торговой площади. Крайние башни – проезжие, от них отходят мосты через Козью речку, как и задокументировано в Писцовых книгах.

Существуют и светские изображения муромской крепости, сделанные с натуры. Однако степень их достоверности невелика. Это рисунки в «Описании путешествия в Московию» немецкого ученого и путешественника А. Олеария [45]. Голштинское посольство, секретарем которого он был, в город не пустили. Олеарий видел его со стороны Оки (1636). При издании «Опи-

сания», художник, делавший гравюры по рисункам Олеария, «поправил» их по своему западноевропейскому разумению, сделав, например, стены и башни кремля каменными и добавив еще ряд деталей, характерных для европейских городов.

Такая же правка, вероятно, постигла и гравюры Н. Витсена [46], помещенные во французском издании Олеария 1719 г. Витсен рисовал русские города в конце XVII в. и бывал в Муроме. Все рисунки построены по одной композиционной схеме: первый и средний план заняты изображениями рек, причем в Муроме Ока протекает на расстоянии, гораздо большем от города, нежели сейчас. Затем представлена панорама «города на дальнем плане, за крепостной стеной встает лес церковных куполов и башен; городское пространство уплотнено – как ряды декораций, одна за другой напластовываются постройки, не лишённые, однако, узнаваемых черт» [47]. Действительно, при беглом взгляде на изображения Мурома, возникает сомнение, что на гравюрах запечатлен именно этот город. Однако при внимательном рассмотрении проявляются детали – и в расположении построек, и в топографии, и в рельефе – не оставляющие сомнения: это именно он. Рациональное объяснение порой находят самые невероятные и, казалось бы, невозможные в реальности элементы. Например, на гравюре Витсена за Муромом террасами простирается гряда холмов, которых в действительности не существует. Однако на этом месте часто появляются облака, поразительно напоминающие горы, за которые их и принял гравёр.

Есть еще одна группа источников, и, несмотря на то, что все они поздние – XVIII-XX вв. – реконструкция кремля без них невозможна: топографические карты, планы, схемы. Самый ранний из них долгое время, до бесспорно справедливой его атрибуции С. В. Сазоновым как плана муромского, кремля фигурировал под названием «плана неизвестной крепости на Оке» начала XVIII в. [48] В работах по градостроительству он приводился как пример осуществления принципа «открытой планировки»: «Внутри правильного прямоугольника свободно расположена соборная церковь, приходская церковь, канцелярия и несколько домов» [49]. Или, более того, в 1988 г. Н.П. Крадиным он был отнесен к деревоземляным укреплениям Засечной и Белгородской черты, которые, в отличие от городов-крепостей, «имели геометрически правильные конфигурации планов» [50]. Автор исследования не учитывал, что план зафиксировал только половину крепости, и в данном случае «прямоугольность» его обусловлена не полной конфигурацией кремля, а изображением его фрагмента, да еще «на глазок».

Этот схематический план-рисунок последнего муромского кремля зафиксировал его агонию: у крепости только три стены – западная, фрагменты северной и южной. Вместо восточной идет весьма примечательная надпись: «Сия городовая стена от Оки реки по мере имелась на 100 саженьях, которая тому лет назад з дватцать полымя вешними водами отмыло и свалилась, которой имелось по углам по башне, в середине – башня с вороты» [51]. Фраза эта является ключевой для осуществления реконструкции муромского кремля.

Известны еще два плана второй половины XVIII в., связанные с кремлем. Один, 1769 г., опубликован Н. П. Травчетовым отдельным чертежом [52]. План, как указывает публикатор, исполнен капитаном-лейтенантом В. Пыляевым, когда тот делал инструментальную съемку Мурома в преддверии разработки его регулярной планировки по екатерининскому указу. Одной из особенностей плана являются несуразно толстые для кремля, такого, как муромский, стены – 5 сажень, т. е. от 11 до 13 метров.

Еще один план города опубликован В. Я. Чернышевым в его прорисовке и датируется им концом XVIII в.; исполнитель плана не указан [53]. На этом плане на Кремлевской горе обозначены контуры кремля, совпадающие по конфигурации с контурами на плане Пыляева. Ни башен, ни ворот на чертеже, как и на предыдущем, не обозначено. Описание в примечаниях к плану под литерой «А» гласит: «Земляной город или вал, именуемый Кремль внутри одного строения» [54]. Из примечания явствует, что деревянных сооружений на «валах» уже нет, но по городской привычке их еще называют «кремлем». Сами же составители плана кремлем его называть не рискуют и приводят более соответствующее определение – «земляной город». Толщина «валов» примерно такая же, как и у Пыляева: видимо, на плане обозначены не сами стены, а оставшееся и неразобранное еще грунтовое заполнение из них, к этому времени расплывшееся. очевидцы того времени принимали его именно за валы и в своих соображениях об устройстве кремля помещали на них крепостные стены. Разобран кремль был после 1767 г. – года приезда в Муром Екатерины II, которая, отметив плачевное состояние кремля, для безопасности жителей приказала разобрать крепость [55]. Г. Коробов, составляя опись Мурома, уже в 1723 г. о крепости не упоминает, «может быть по ее ветхости или уже по небытности; ибо в половине 18 столетия упоминается об одной только башне». «Городская крепость, столь славившаяся твердостью стен и местоположением, видно не поддерживалась правительством», – сетует местный хроникер [56].

Известно несколько планов Мурома конца XVIII – начала XX вв. На них зафиксирован регулярный город, построенный после пожаров 1792 и 1805 годов [57]; кремль на них, естественно, уже не обозначен. Эти планы интересны и полезны тем, что по ним прослеживаются изменения рельефа Кремлевского холма – различия в площади его поверхности и варьирование конфигурации. Это чрезвычайно важно для реконструкции, поскольку предпринимавшиеся ранее попытки «посадить» кремль на современную топографию или вписать его в современный рельеф к успехам не привели. Об этом свидетельствует, например, попытка воссоздания кремля муромским архитектором Н. А. Беспаловым [58], выполненная достаточно произвольно. Главным в этом опыте была не попытка следовать документальным свидетельствам, а создание некоего, скорее даже умозрительного, образа. С использованием, видимо, каких-то исторических документов музейный художник-самоучка Н. Угрюмов в 1937 г. написал картину, на которой изобразил муромский кремль, обозначив в названии довольно широкий временной диапазон – XVII-XVIII вв., хотя изображенные на ней крепостные сооружения

более соответствуют XV-XVI вв. Позже, в 1950-е годы макет муромского кремля попытался изготовить увлеченный стариной местный художник М.К. Левин, однако несоответствие топосной описаниям неизбежно привело к нарушению масштаба, и кремлевские сооружения предстали в сильно искаженных пропорциях. Приведенная в коллективной монографии «Русское градостроительное искусство. Градостроительство Московского государства XVI-XVII веков» [59] художественная реконструкция М. П. Кудрявцева по своей программе в определенном смысле ближе к изображениям на муромских иконах, чем к научным представлениям. Муромский кремль (и Муром в целом) показан здесь в соответствии с современными концептуальными установками исследователей, представляя город не столько таким, каким он мог быть в реальности, сколько таким, каким он должен был быть, если бы в идеале отразил предлагаемые тенденции градостроительства.

Летом 1768 г. в Муроме один за другим побывали два известных путешественника, составлявших описание России – академики И. Лепехин и П. Палас, которые независимо друг от друга сделали весьма ценные наблюдения, касающиеся как раз того самого гигантского оползня, о котором сделана запись на «плане неизвестной крепости» [60].

С учетом этих описаний становится ясным и характер разрушений, причиненных стихией, и то, почему некоторые информанты помещают город «на деревянной осыпи», трактуя ее как валы [61], и структура, а в некоторой степени и стратиграфия, культурного слоя. Как выглядела Кремлевская гора после катастрофических «полых вод», можно представить по имеющимся изображениям, близким ко времени события. На двух рисунках Курбанина (XVIII в.) [62], сделанных вскоре после катаклизма, отчетливо видны следы свежих оползней на южном, восточном и северном склонах горы.

Совершенно очевидно, что воссоздание облика кремлевской части Мурома следует начинать с реконструкции Кремлевского холма. Наложение девяти прорисовок поверхности, сделанных с разновременных планов и современных снимков из космоса, показали: имеется устойчивая тенденция к уменьшению ее площади. Визуальное сравнение рельефа на гравюрах Олеария и Витсена с рельефом на рисунках Курбанина и Дюрана, свидетельствуют, что в XVII в. восточный склон холма был более протяженным и пологим. Рельеф, сформированный к сегодняшнему дню, образовался за счет неоднократной нивелировки поверхности, проведения благоустройства территории, строительных работ и работ по сносу зданий, попытки устройства на северном склоне в середине шестидесятых годов прошлого века террасного парка, отсыпки смотровой площадки на восточной оконечности.

Как уже отмечалось, до последнего времени, основываясь на Писцовых книгах, муромский кремль считали построенным в форме четырехугольника [63], неправильного, вытянутого по оси В-З. Действительно, в конце XV – начале XVI вв. форма прямоугольника (или правильного многоугольника) получает четкое выражение в фортификации. К этому времени «с переходом от пассивной обороны к активной, с развитием огнестрельного оружия, с устройством раскатов и башен для флангового обстрела... предпочтение полу-

чает четырехугольная форма укрепления, а при значительных размерах города – многоугольная (полигональная). Хотя на конфигурацию стен по-прежнему оказывают большое влияние топографические условия» [64].

О построении правильного многоугольника на Кремлевском холме речь даже не идет; это обусловлено формой холма. Но ни один из множества четырехугольников, которые можно построить по размерам Писцовых книг, не вписывается ни в один из контуров холма [65].

По современной топографии можно определить угол схода западной и южной стен: он равен примерно 70° . Приняв за реперную линию визуальную наименее измененную современную ул. Первомайскую, по которой протекала Козья речка (параллельно ей шла западная стена крепости), получаем возможность построить достаточно жесткую конфигурацию сооружения. В этом варианте план кремля имеет форму неправильного семиугольника, который образовывали изломы стен, обусловленные строением рельефа местности. По очертаниям он близок к плану В. Пыляева, с той только разницей, что на плане 1769 г. угол схождения стен у Спасских ворот составляет 65° , а на нашей схеме оптимальное расположение кремля на холме выстраивается при угле в 75° . При этом семиугольная схема по сравнению с четырехугольной дает выигрыш в площади ок. 2000 кв. саж. Исходя же из того, что «как правило, в городах, построенных или реконструированных в XVI в. господствовало еще подчинение формы крепости топографическим условиям», по форме крепости была скорректирована реконструированная конфигурация Кремлевского холма [66].

Несмотря на то, что к концу XVII в. Муром уже не имел своего прежнего военного значения, в 1678 г. муромская крепость была выстроена заново вместо сгоревшей в 1671 г. по тому же плану [67].

Описание строительства, самой крепости, а также перечень ушедших на ее устройство материалов и занимавшихся работами людей содержатся в «Книге городского дела г. Мурома за 1678 г.» [68], на которую нам любезно указал С. В. Сазонов. Столь скрупулезные – вплоть до количества истраченных гвоздей – сведения о кремле позволяют соотнести их с реконструированными планом крепости и рельефом.

Но даже такой подробный документ оставляет множество вопросов, связанных с деталями сооружения. Неясной, например, остается форма воротных проемов, место их расположения на гранях шестиугольных башен; форма, количество и расположение боев; наличие и устройство внутренних переходов в стенах и башнях; конструкции лестниц, ограждения боевых ходов с внутренней стороны города, крыш, ворот и запоров, мостов, смотровых площадок «со звоны», «тайника» – подземного хода к источнику воды за пределами крепости. В процессе реконструкции эти элементы восстанавливались или по расчетам использованного для них материала, или по аналогии с конструкциями иных сооружений того времени, или посредством логических построений.

В некоторых описаниях имеется указание, что город имел две стены [69]. Это не означает, что в кремле был детинец или существовало две линии

обороны. «Двумя стенами» в этом случае называют не два самостоятельных защитных рубежа обороны, а конструкцию объема городских стен: за внешней бревенчатой стеной на некотором отдалении (в нашем случае – на расстоянии в 2 сажени, т. е. около 4,3 м) шла еще одна, внутренняя, связанная с внешней бревенчатыми же перемычками – «перерубами». Пространство между ними заполнялось грунтом. Верхняя часть сруба с боевыми ходами была несколько выдвинута вперед, образуя нависающий выступ, террасу (отсюда и ее русское название – «тараса»). Между выступом и основанием стены шла длинная щель – «облам», позволяющая сверху, с боевого хода, простреливать пространство, вплотную примыкающее к стене. В стене боевого хода устраивались «бои». Чаще всего в крепостях они располагались в трех уровнях: подошвенном (нижнем), среднем и верхнем. Нижние бои порою устраивались действительно в самом низу, у подошвы стены, и нередко предназначались для артиллерии, но в любом случае для подошвенного боя в стенах деревянного кремля надо было устраивать специальные боевые камеры. Остальные бои распределялись выше по вертикали, обеспечивая прострел осадного пространства.

Три уровня боев было и в муромском кремле. Однако никаких сведений о сооружении боевых камер нет ни в описании строительства, ни в описании кремля. Судя по более позднему изображению на плане «неизвестной крепости», «нижние бои» размещались на уровне боевых ходов стены.

Шесть нижних венцов стен и башен были сложены из дубовых бревен диаметром 6,5 вершков (ок. 30 см). Остальная часть строения – из хвойных пород дерева («елевая» и сосновая).

Прясла стен связывали 14 башен и одна полубашня, крытые шатрами из теса в два слоя. Полубашня представляла собой башню, но только в высоту стены. 11 глухих башен – 2 шестиугольных и 9 четырехугольных располагались следующим образом: на изломах стен – 3, на пряслах – 6, на углах – 2. Три шестиугольные башни – Спасская, Никольская 1-я (Базарная), Водяная были проездными, т. е. имели ворота. Спасская башня соединяла южную и западную стены кремля. От нее через мост надо рвом дорога вела к Спасо-Преображенскому монастырю, почему она и получила название. Над ее воротами, по городскому преданию, висела икона Спаса Нерукотворного, ныне хранящаяся в Муромском историко-художественном музее [70]. 1-я Никольская, она же Базарная башня, соединяла западную и северную стену. Выход из нее через перекинутый над оврагом мост вел на городской торг, где стояла Николо-Зарядская церковь. Можно с достаточной долей вероятности предположить, что ее надвратной иконой был один из изводов образа св. Николая. Третья воротная башня – Водяная – называлась так, потому что выходила к Оке в центре восточной стены. На шатрах всех трех проездных башен помещены караульные площадки (вышки) с вестовыми колоколами.

Две глухие непроезжие шестиугольные башни завершали фланги восточной стены, соединяя с ней примыкающие северную и южную стену. По ближайшим находившимся к ним церквям башня в юго-восточном углу

именовалась Козьмодемьянской, в северо-восточном Никольской 2-й (от Николо-Набережной церкви).

Восемь городен северной стены в прясле от полубашни до следующей глухой башни в направлении Базарных ворот имеют значительно меньшую длину, чем остальные. Это, видимо, свидетельствует о заметном перепаде высот в этой части рельефа.

Высота стен достигала 8,5, шестиугольных башен – 22-23, четырехугольных – 20 м. Диаметр Спасской и Никольской 1-й (Базарной) башен составлял ок. 12 м, Водяной и Никольской 2-й – ок. 10, Козьмодемьянской – ок. 11 м.

Несмотря на то, что эпоха деревянных городских укреплений в России подходила к концу, в 1678 г. в Муроме был достроен весьма мощный по тем временам кремль, сооруженный с учетом инженерно-фортификационных требований своего времени.

Примечания:

1. Воронин Н. И., Горюнова Е. И. Отчет Муромской археологической экспедиции АН СССР в 1946 г. // НА МИХМ. – № 343. – С. 31.

2. Бейлекчи В. В., Родин В. В. Новые археологические исследования в муромском кремле // Уваровские чтения – V. Муром, 2003. – С. 9-17.

3. Смирнов Ю. М. Муром IX-XIII веков как средневековый город // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – М.-Сыктывкар, 2006. – С. 68-80; он же. Средневековый Муром по письменным источникам // Историческая демография. – М.-Сыктывкар, 2008. – № 1. – С. 10-13; он же. Об историко-краеведческих стереотипах в изучении Мурома // Рождественский сборник. – Ковров, 2009. – С. 16-24; Смирнов Ю. М., Сухова О. А. Муромский кремль: история, мифология, иконография // Пятые Яхонтовские чтения. – Рязань, 2010. – С. 219-234.

4. Раппопорт П. А., Кудрявцева Т. П. Города Рязанской земли // Древнерусское градостроительство X-XV вв. – С. 122-123.

5. Титов А. А. Историческое обозрение города Мурома // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. – Владимир, 1902. – Кн. IV. – С. 34.

6. Смирнов Ю. М. «Русский» Муром: Очерк этнодемографических контактов за тысячу лет // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – М.-Сыктывкар, 2005. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 82-95.

7. См., например: Сазонов С. В. Из истории муромского кремля XVII века // Уваровские чтения – VIII. – Владимир, 2012. – С. 10-13.

8. Древнерусское градостроительство XVIII-XIX вв. – М., – Т. 3. – С. 186.

9. Смирнов Ю. М. Фортификация средневекового Мурома // Сообщения Муромского музея – 2009. – Муром, 2010. – С. 5-15; он же. Монастыри в фортификационной системе средневекового Мурома // Российская провинция: история, традиции, современность. Рождественский сборник. – Ковров, 2006. – С. 33 – 40.

10. Краткий справочник по городу Мурому. – Муром, 1911. – С. 5.

11. См.: Полевой П. Очерки русской истории в памятниках быта. – СПб., 1880. – С. 138.
12. Тихомиров М. Н. Древняя Москва. XII-XII вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV-XV вв. – М., 1992. – С. 186, 247.
13. Полосин И. И. Монастырские «объезды» Ивана IV (из истории военной политики России) // Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. – М., 1963. – С. 75; Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. – М.-Л., 1948. – С. 34.
14. Антонов В. А. Род Ратши и предки А. С. Пушкина во Владимирском крае // Записки владимирских краеведов. – Владимир, 2004. – Вып. 6. – С. 76.
15. См., например: Пашуто В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. – М., 1966. – С. 96; Черепнин Л. В. К вопросу о роли городов в процессе образования Русского централизованного государства // Города феодальной России. – М., 1966. – С. 109; Смирнов Ю. Муром: город на особицу (субъективные заметки о муромском менталитете). – Владимир, 2013. – С. 62-64.
16. Там же. – С. 74.
17. Курбский А. М. История о великом князе Московском. – СПб., 1913. – Стб. 58.
18. Новосельский А. А. Указ. соч. – С. 29-30; Антонов В. А. Указ. соч. – С. 76.
19. Творогов О. В. Древняя Русь. События и люди. – СПб., – 2001. – С. 149; Козляков В. Н. Служилый город Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). – Ярославль, 2000. – С. 45.
20. Шишкин Н. История города Касимова с древнейших времен. – Рязань, 1999. – С. 125.
21. Тирпигорев С. Н. Стенькин гром // Исторический вестник. – 1890 г. – Июль. – С. 50-51.
22. Краткий справочник по городу Мурому. – Муром, 1911. – С. 5.
23. Early Voyages and Traveles to Russia and Persia by Antony Jenkinson and others Englismens. – London, 1886. – P. 44-45; Фоменко И. К. Руссия, Московия и Владимирщина на средневековых европейских картах // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003. – С. 62.
24. Юстен Павел. Посольство в Московию в 1569-1572 гг. – СПб., 2000 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krotov.info/acts/16/3/1569iust.html>.
25. Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599-1600 гг. // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). – М., 1991. – С. 176.
26. Де Ерлезунд Петр Петрей. История о великом княжестве Московском. – М., 1867. – С. 28.
27. Курбский А. М. Указ. соч. – Стб. 17.

28. Котов Ф. А. О ходу в персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индию и в Урзум, где корабли приходят // *Временник*. – 1852. – Кн. XV. Цит. по: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://go.mail.ru/search?mailru>

29. См., например: Сотная с писцовых книг г. Мурома 1623/24 г. – Владимир, 2010. – С. 21-22; Писцовая книга г. Мурома 1636/37 г. – Владимир, 2010. – С. 24-25.

30. Книга городского дела Я. П. Загрязского, 1665 // НИИОР РГБ. – Ф. 178. – № 1394; Г. Муром. Книги городского дела. 1676, 1678 // НИИОР РГБ. – Ф. 1708. – № 1402.

31. Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. – М., 1977. – С. 233.

32. Бакмейстер Г. Х. Л. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. – СПб., 1771. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 130.

33. Рязский Г. А. Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. – Владимир, 1906. – С. 53.

34. Токмаков И. Муром. Материалы для историко-статистического описания города в связи с церковно-археологическим обзором священных достопамятностей этого края с IX по XIX столетие. – М., 1887. – С. 8.

35. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии / Сост. Н. Н. Ушаков. – Владимир, 1913. – С. 315, 316.

36. Пехов В. И. Муром в прошлом и настоящем. – Муром, 1913. – С. 17.

37. Гуляницкий Н. Ф. при участии Агафонова С. А. Города южной и юго-восточной частей Московского государства // Градостроительство Московского государства XVI-XVII веков. – М., 1994. – С. 187.

38. Подробнее об изображениях муромского кремля см.: Смирнов Ю. М., Сухова О. А. Указ. соч. – С. 219-234.

39. МИХМ. – Инв. № 6604, М-6607, 6643. См.: Сухова О. А. и др. Иконы Мурома. – М., 2004. – Кат. 19, 39; ГИМ. – Муз. 3789; РНБ. – Ф. I. 832; Сухова О. А. Икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Феодора Муромских. – М., 2006.

40. См., например: Смирнов Ю. М. Город в аспекте культурологии // Столичные и периферийные города Руси и России в среднее и раннее новое время XI-XVIII вв. – М., 2003. – С. 339-345.

41. Повесть о водворении христианства в Муроме // Памятники старинной русской литературы. – СПб., 1860. – Т. 1. – С. 229; изображения икон см.: Сухова О. А. и др. Иконы Мурома.

42. Травчетов Н. П. Город Муром и его достопримечательности. – Владимир. – 1903. – С. 2.

43. См.: Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Указ. соч.

44. МИХМ. Инв. № 6788. 32x27. См.: Сухова О. А. и др. Иконы Мурома.

45. Олеарий А. Описание путешествия в Московию в XVII в. – СПб., 1905.

46. Дьяконова Ю. Путешествие в Московию в гравюрах Николааса Витсена // Антиквариат. – 2004. – № 10. – С. 72-75.
47. Там же. – Ил. с. 75.
48. Сазонов С. В. План Муромской крепости. XVIII в. // Муромский сборник. – Муром, 1993. – С. 5-8.
49. Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века. – Л.-М., 1953. – С. 184.
50. Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М., 1988. – С. 59-60.
51. Копия конца XX в. хранится в НА МИХМ. – Б/н.
52. Травчетов Н. П. Указ. соч.
53. См.: РГАДА. – Ф. 192. Картографический отдел МГАМИД. Владимирская губерния. № 3 // Писцовая книга г. Мурома 1636/37 г. – С. 262-263.
54. Там же.
55. Тихонравов К. Город Муром, история его и древности // Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. – М., 1857. – С. 81.
56. Титов А. А. Указ. соч. – С. 68.
57. НА МИХМ. План 1780-х годов. – Б/н.; М-12212; М-12213; М-12226; М-12227; М-12313; М-12314; план 1864 г. – Б/н.
58. См.: История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца XX века. – С. 110.
59. Гуляницкий Н. Ф. при участии Агафонова С. А. Указ. соч. – С. 188.
60. Записки путешествия академика Лепехина. – СПб., 1821. – Т. 1. – С. 39, 54-56; Палас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – СПб., 1809. – Ч. 1. – С. 52-54.
61. См., например: Травчетов Н. П. Указ. соч. – С. 84.
62. Курбанин. Вид Мурома (рис. кон. XVIII в.; копия Н. Г. Добрынкина кон. XIX – нач. XX вв.); Курбанин. Старый Муром (рис. кон. XVIII в.; копия Мяздрикова, кон. XIX – нач. XX вв.). НА МИХМ.
63. См., например: Травчетов Н. П. Указ. соч. – С. 34; Гуляницкий Н. Ф. при участии Агафонова С. А. Указ. соч. – С. 187; Чернышев В. Я. Социально-экономическое развитие города Мурома в первой четверти XVII в. // Сотная с писцовых книг г. Мурома 1623/24 г. – Владимир, 2010. – С. 6; см: Смирнов Ю. М. Вероятность реконструкции и реконструкция вероятности (об историко-краеведческих стереотипах в изучении Мурома) // Уваровские чтения – VII. – Владимир, 2011. – С. 308-319.
64. Тверской Л. М. Указ. соч. – С. 54.
65. Подробнее об этом см.: Смирнов Ю. М., Баранов А. А. Реконструкция плана муромского кремля XVII века // Сообщения Муромского музея-2010. – Владимир, 2011. – С. 5-28; они же. К вопросу о реконструкции плана муромского кремля первой половины XVII века // Яхонтовские чтения. – Рязань, 2012; Смирнов Ю. М. Этапы реконструкции муромского кремля XVII века // Город средневековья и раннего Нового времени. Археология. История. – Тула, 2013. – С. 153-160.

66. Тверской Л. М. Указ. соч. – С. 55.

67. Сазонов С. В. Из истории муромского кремля XVII века. – Уваровские чтения – VIII. – Владимир, 2012. – С. 10-13.

68. Книга городского дела города Муром 1678 // НИОР РГБ. – Ф. 178 (Музейное). – № 1402.

69. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. – С. 315; Пехов В. И. Указ. соч. – С. 17.

70. МИХМ. Инв. № М-6666. 113x103 см. См.: Сухова О. А. и др. Иконы Муром. – С. 178-180. Кат. 23.

**Великая Отечественная война и новая историческая память:
«понимающее забвение», «проработка
прошлого» и креативное мифотворчество**

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии, Россия

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования современного пространства памяти о Великой Отечественной войне. Анализируются новые технологии ее профессиональной сборки и реакции на них различных сегментов российского общества. Делается вывод, что на сегодняшний день победа в войне оказывается опорным символом его национального самосознания, единственным бесспорным достижением страны, которым можно и следует гордиться.

Ключевые слова: Великая отечественная война, новая историческая память, креативное мифотворчество.

Последнее десятилетие новейшей российской истории, ставшее временем усиления государственного начала в общественной жизни страны, в области профессионального освоения прошлого ознаменовалось рядом вполне ощутимых перемен. С одной стороны, продолжился процесс формирования нового исторического ландшафта с его нервной пристрастностью к национальным местам памяти; с другой, – ощущалась растущая потребность в создании относительно безопасного и единого для всех образа прошлого. При этом и массовым сознанием, и профессиональным сообществом прошлое все чаще прочитывается *историей выживания*, а, следовательно, и побед, наследникам которых оказывается не так-то легко примириться с памятью побежденных, особенно о войне 1941 – 1945 гг.

По масштабу и силе воздействие на сознание современного российского общества Великая Отечественная война занимает особое место. Как показывают данные социологических опросов, победа в войне воспринимается не только «решающим событием, предопределившим судьбу страны в XX в.», но и остается предметом «наибольшей гордости в нашей истории» [1]. Более того, война оказывается практически единственным событием советского прошлого, которое вызывает позитивные ассоциации и удостоивается сохранения в памяти общества [2]. Столь очевидное и, казалось бы, незыблемое положение, занимаемое войной в пространстве исторической памяти, нередко рассматривается специалистами в качестве неоспоримого доказательства ее значимости для национального самосознания россиян.

Между тем, историческая память в отличие от памяти коллективной, которая из прошлого сохраняет только то, что еще живет или способно жить в сознании поддерживающей ее группы, – вещь по сути своей рукотворная. Она создается «профессионалами в конкретное время, для конкретных целей и конкретных кругов» [3]. Французский социолог М. Хальбвакс, одним из первых обративший внимание на различие этих видов памяти, еще в конце 1920-х гг. отмечал: «История – это, несомненно, собрание тех фактов, которые заняли наиболее важное место в памяти людей. Но, будучи прочитанными в книгах, изучаемыми и заучиваемыми в школах, события прошлого отбираются, сопоставляются и классифицируются, исходя из потребностей или правил, которые не были актуальными для тех кругов, которые долгое время хранили живую память о них (...) Когда память о некоей череде событий перестает поддерживаться какой-либо группой, которая в них участвовала или испытала на себе их последствия (...), тогда спасти эти воспоминания можно, только письменно зафиксировав их в форме связного рассказа – ведь слова и мысли умирают, а тексты остаются» [4].

Современная историческая память о войне формируется в условиях предельного сжатия исторического времени, ситуации, когда течение исторического процесса определяется «практически эффективным временем жизни человека или же еще меньшим временным масштабом текущих политических решений». Нынешнее поколение, пережившее не одну волну информационной революции, уже не воспринимает события дореволюционного и довоенного прошлого, сливающиеся для него в единое давно прошедшее время [5]. Сокращение диапазона индивидуальной памяти и предельное увеличение объемов потребляемой обществом информации требуют от государства больших, чем когда-либо усилий по поддержанию «живой памяти» о прошлом. Тем более что в нем на самом деле меньше прошедшего, чем нам кажется. Наглядным тому подтверждением являются многочисленные войны памяти, все еще бушующие на постсоветском пространстве некогда единой страны. В создаваемой на наших глазах новой национальной истории освободившихся от «гнета советского прошлого» государств война нередко превращается в арену идеологического противоборства и претензий к современному поколению победителей. Так, Грузия времен правления Гамсахурдии исключила из перечня государственных праздников День Победы, мотивируя принятое решение тем, что грузины – бойцы советской Армии – боролись за какую-то другую страну и за интересы другого строя. В свою очередь руководство Азербайджана предъявило России счет в 1 млн. дол. «за бакинскую нефть, благодаря которой СССР выиграл Великую Отечественную войну» [6]. Начавшаяся эрозия исторической памяти о войне уже вызвала к жизни создание государственной Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, а также несколько довольно любопытных общественно-образовательных и исследовательских проектов, направленных на поддержание ее «созидательного потенциала».

Одним из них стал проект «исторического забвения» или «счастливой памяти», связанный с созданием принципиально новой системы современного исторического образования. По замыслу его разработчиков, острой проблемой, стоящей перед государством, остается проблема формирования гражданской идентичности у первого поколения россиян. Однако в российской школе не просто отсутствуют какие бы то ни было внятные усилия, предпринимаемые в этом направлении, но и нередко наличествуют «абсолютно деструктивные практики», усиливаемые разрывов исторической памяти поколений. В этой ситуации проект концепции новой истории исходит из необходимости изменения цели преподавания истории в школе. Вместо памяти о ней предлагается «поминающее забвение», смысл которого сводится к тому, что «изучение истории в школе в определенный период жизни молодого человека избавляет его или ее от необходимости оглядываться назад. От необходимости ставить вопрос о вине родителей, вине предков и вине нации» [7]. Интериоризированная история, навязанная, по мнению сторонников «понимающего забвения», современной школе, превращает историю в общенациональную драму с кровоточащей памятью о прошлом и коллективной ответственностью за него ныне живущих поколений. Однако прошлое не может быть тяжким грузом, а должно стать точкой опоры национального самосознания, для которого победа в последней войне окажется «священным камнем веры, опорой национальной памяти, преемственности поколений и некой гарантией на будущее» [8].

В процессе недавнего обсуждения функциональной пригодности старонového мифа о войне была высказана весьма любопытная точка зрения о продуктивности так называемых креативных или проектных мифов. Один из диспутантов предложил различать каталожные мифы, исходящие из восприятия истории как набора полубившихся картинок, посредством которых можно «соизмерить день сегодняшней и день завтрашний», и проектные (креативные) мифы, воспринимающие исторический процесс в неразрывном единстве прошлого, настоящего и будущего и пытающиеся «разглядеть будущее через призму исторического опыта». Креативному мифу о войне, как свидетельствуют два последних юбилея Победы, удалось стать «точкой сборки» катастрофически раздробленного, распыленного общества... Несмотря на топорную и примитивную пропагандистскую обработку общественного мнения, именно в День Победы случалась как бы «пересборка» нашего общества, когда из страшного хаоса бессистемно действующих осколков некогда сцементированного советского народа вдруг начинало самоорганизовываться в нечто системно-созидательное» [9]. Отсюда, по мысли автора, вытекает и главная задача мыслителя вообще и историка в частности – заниматься креативным мифотворчеством.

Между тем, у процесса «проработки прошлого», нередко ошибочно воспринимаемого его фальсификацией, существуют вполне объективные основания, практически не подверженные внешнему контролю.

Прежде всего, к ним следует отнести те кардинальные изменения, которые произошли в области постижения прошлого и его роли в жизни совре-

менных обществ. Если ранее понимание истории мыслилось как сугубо герменевтическая проблема, сводящаяся к «интерпретации одним индивидом письменно зафиксированных текстов другого индивида», то в настоящее время обнаружилось совершенно иные плоскости ее рассмотрения. С одной стороны, резко увеличилось число и многообразие самих свидетельств о прошлом. С другой, – изменился тип его воспроизводства. Буквально за несколько последних десятилетий не только дифференцировались, но и многократно расширились те группы, которые брали на себя задачу сохранения и трансляции прошлого. Помимо традиционных агентов влияния официальной политики памяти в лице профессионального сообщества историков, идеологов и образовательных структур ими становятся политические партии и национальные движения, средства массовой информации и политическая идеология, разнообразная литература о «другой» войне и новый кинематограф. Наконец, мощным детонатором, взорвавшим сакральный облик войны, стала реабилитированная память жертв сталинского режима. Однако частный или индивидуальный опыт – опыт людей на войне и во время войны – не будучи специально обработанным не воспроизводится и не составляет культурного или социального факта. Именно это обстоятельство и послужило одной из причин его закрепления в пространстве письменной памяти о войне и дало повод одному из зарубежных исследователей сделать вывод о том, что «россияне буквально свалились в плюрализм воспоминаний» [10].

За тот небольшой промежуток времени, что отделяет сегодняшний день от начавшейся с середины 1980-х гг. исследовательской ревизии советского прошлого, образ войны претерпел существенные изменения. Из монолитного символа героического сопротивления фашизму он постепенно распался на множество символов коллективных и личных трагедий, в чьем эмоциональном накале подчас теряется не только величие народного подвига, но и смысл его высокого предназначения. Усилиями профессиональных историков наши знания о событиях того времени не только увеличились в объеме, но и оказались предельно дифференцированными. Публикации новых архивных документов, нелюбимых воспоминаний очевидцев и свидетелей того времени стерли с облика войны ее излишнюю пафосность и всеобщую жертвенность. В складывающейся ситуации реанимируются старые и вырабатываются новые политики памяти, в которых именно последняя война занимает центральное место.

Историческая память во многом является результатом социального изобретения прошлого, предполагающего отбор, переработку и использование его в интересах настоящего. При этом она действительна лишь в той степени, в которой согласуется с существовавшими ранее народными представлениями и коллективными воспоминаниями. Как показывают многочисленные исследования, «если правда о прошлом не совпадает с его образом в голове, она объявляется ложью и фальсификацией истории» [11]. Однако в России, где история всегда была нечто большим, чем обыденным повествованием о прошлом, ее события никогда не получают качества своей завершенности и обречены на бесконечное переписывание.

В пространстве исторической памяти современного российского общества война воспринимается символом его нынешнего единства и оправдания существования советской истории в целом. В этой своей ипостаси она требует всемерной поддержки не только официальной власти, но и усилий профессионального сообщества. Длительное время единственным творцом образа страны и ее общей памяти выступало государство. Но уже с начала 1990-х гг. память как таковая «была денационализирована и перестала служить исключительно интересам государства, целям обеспечения подчинения и господства, консолидации и чрезвычайным мобилизациям общества. Она обрела частный, приватный характер» [12]. Стремительная утрата властью своего монопольного положения, появившиеся возможности критического осмысления прошлого вызвали к жизни не только ее нежелательные образы, но и актуализировали память о другой войне – войне неоправданных потерь и депортаций, стратегических просчетов и сотрудничества с противником, штрафбатов и советских лагерей. Эта война, остававшаяся на периферии коллективной памяти, в атмосфере гласности и перестройки получила практически уникальный шанс обрести свою полноправную жизнь.

Однако ее профессиональная реабилитация не повлекла за собою переоценки войны в целом. Вопреки логике здравого смысла, она придала лишь новый импульс изучению мобилизационных возможностей тоталитарных режимов и вызвала в общественном сознании резко негативную реакцию. «Злонамеренное очернительство подвига народа» в самой кровопролитной войне минувшего столетия стало одним из серьезных поводов для вмешательства государства в ее изучение. Тем не менее, своей консервативной устойчивостью образ «великой войны» обязан не государственному вмешательству и общественной поддержке, а все той же памяти. Именно она в ситуации методологического разнообразия и снижения доверия к традиционным для истории источникам оказалась наиболее востребованным свидетелем того времени [13]. Всеобщее увлечение устной историей и сопровождавшими ее массовыми опросами участников и очевидцев военных событий выявили весьма характерную особенность индивидуальной памяти. Даже в ситуации явного противоречия устоявшейся официальной версии того или иного события респондент, как правило, в своих оценках войны не выходил за границы ее общепринятого образа либо вовсе отказывался от болезненных воспоминаний. Скупость и типичность индивидуальных воспоминаний о пережитом или увиденном на войне объясняются специфическими особенностями все той же памяти.

Как отмечают специалисты, воспоминания обладают высокой эмоциональной значимостью для их носителей. При этом намерение не забывать того, что некогда перевернуло всю жизнь и сказалось на последующей судьбе человека, собственно, и приводит к тому, что такие судьбоносные события претерпевают разнообразные изменения, обрастают дополнительными подробностями и, в конечном итоге, обретают тот универсальный формат, который созвучен воспоминаниям других людей. Более того, человек зачастую встраивает в историю своей жизни сведения, эпизоды и даже целые со-

бытия, происходящие не из его собственного опыта, а из совершенно иных источников – рассказов других людей, романов, документальных и художественных фильмов, грез, снов и фантазий. Этот феномен, получивший название «забвения источника», довольно часто присутствует в воспоминаниях тех, кто претендует на создание другой памяти о войне. Поэтому воспоминания, которые человек неоднократно обсуждал с другими (а к ним, прежде всего, относятся воспоминания о войне), «не истиннее и не аутентичнее иных; одни только связанные с ними эмоции содержат, хранят в себе след исходного происшествия, а все прочие может быть чистой воды артефактом» [14].

Особенности индивидуальной памяти находят свое объяснение и в пространстве ныне весьма влиятельной концепции социокультурной травмы – коллективного феномена, порождаемого разрушительными событиями, которые напрямую определяют продолжительность и глубину ее влияния на социальное поведение отдельного человека или группы людей в целом [15]. Война для всего фронтового поколения оказалась не просто травмой, а рождением новой биографии, в чьем пространстве личное, «мое» время было подчинено времени всепоглощающего трагического события. И только их разрыв, несовпадение временных ритмов и социальных биографий страны и отдельного человека генерировали другую память о войне. Она вбирала в себя воспоминания об упущенных возможностях и перевернутых судьбах, сочувственном отношении немецкого оккупанта к советским детям, сексуальном насилии в боевых подразделениях и нелюбви к евреям в партизанских отрядах. Носители этой памяти едва ли могли рассчитывать на благожелательное отношение власти и населения, что, собственно, и спровоцировало ее добровольное забвение. Попытки ее возрождения, предпринимаемые профессиональными исследователями и их добровольными помощниками, по сути сложившегося положения дел не меняют. Победа, одержанная в войне, и присвоение ей «статуса “главной истории” советско-российского народа» навязывает обществу ее единой смысл и имеет своим «следствием подавление разнообразных памятей меньшинств» [16].

Обращение к прошлому является «чрезвычайно важной реакцией на происходящее политических элит, интеллектуального сообщества и массового сознания». При этом принципиальным моментом в ситуации восприятия массовым сознанием минувшей войны, по мнению социологов, оказывается «момент смены поколений», неизбежно влекущий за собою «заметную смену представлений о войне и ее символического значения» [17]. Социологические замеры последних лет представляют историческое сознание россиян в качестве комбинации двух состояний, двух ценностных или остаточных идейных комплексов. Первый фиксирует «аморфное и диффузное чувство ужаса от тех времен». Второй (более структурированный и рационалистический) отражает официальную версию войны, оформившуюся в 1960-е гг. и сводящую ее к планомерному процессу победы. На сегодняшний день победа в войне оказывается опорным символом национального самосозна-

ния, единственным бесспорным достижением страны, которым можно и следует гордиться.

В пространстве создаваемого национального прошлого демократической России победа в войне санкционирует существование нынешнего политического режима, оказывающегося правопреемником и хранителем исторической памяти о ней. Однако навязываемое властью понимание войны как телеологии победы вытесняет из исторического сознания общества саму возможность публичного обсуждения цены войны, ответственности советского руководства за принятие провальных и преступных с моральной точки зрения решений, проблем послевоенного устройства лагеря мирового социализма. Вместе с тем, историческое сознание на уровне семейной памяти дополняет победную версию войны определенной долей скепсиса и иронии. Последствиями такого рода освоения прошлого становятся разложение идеологии как влиятельного и цементирующего общество ресурса, а также «отчуждение от прошлого и вытеснение его за пределы официально одобряемых дискурсивных практик» [18]. Едва ли в таком своем состоянии прошлое окажется хорошим подспорьем для общества, вновь оказавшегося на историческом перепутье. Не пора ли уже отдав дань уважения свершившемуся, как объективной данности, попробовать жить настоящим?

Примечания:

1. Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/> (дата обращения: 20.05.2010).
2. Хеслер И. Что значит «Проработка прошлого»? Об историографии Великой Отечественной войны в СССР и России // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 – 3 (40 – 41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/> (дата обращения: 20.05.2010).
3. Носенко-Штейн Е.Э. О коллективной памяти российских евреев на рубеже веков (предварительные наблюдения) // Отечественная этнография. 2009. № 6. С. 20.
4. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 – 3 (40 – 41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/> (дата обращения: 20.05.2010).
5. Капица С.П. Об ускорении исторического времени // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 15.
6. Орлова И.Б. Этнизация исторического знания в постсоветских государствах // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 129 – 130.
7. Настоящее прошлого: как обходиться с историей и памятью? Материалы коллоквиума. Москва, 19 – 20 июня 2008 г. М., 2009. С. 51.
8. Там же. С. 52.
9. Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма. Вып. 18. М., 2006. С. 46, 47.
10. Хеслер И. Указ. соч.

11. Настоящее прошлого: как обходиться с историей и памятью? Материалы коллоквиума. Москва, 19 – 20 июня 2008 г. С. 86.

12. Глебова И.И. Кто мы? Историческая память и национальное самоопределение в современной России // Россия и современный мир. 2009. № 1. С. 7.

13. В данной связи достаточно показательной реакцией на возможности использования такого рода свидетельств стала позиция военных историков, отмечавших необходимость работы в архивах «с первоначальными документами», а не военными мемуарами, «собственно не являющимися документами для историков» // Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма. С. 17.

14. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 – 3 (40 – 41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/> (дата обращения: 20.05.2010).

15. Логунова Л.Ю. Влияние исторической травмы на семейно-родовую память сибиряков // Социологические исследования. 2009. №9. С.126 – 136.

16. Глебова И.И. Указ. соч. С. 20.

17. Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма. С. 39 – 40.

18. Там же. С. 41.